

КОГО ХОРОНЯТ ЗАВТРА

РИТУАЛЬНЫЕ УСЛУГИ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Кого хоронят завтра

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Кого хоронят завтра / А. Сунгурский — «Автор», 2026

В похоронное бюро «Тихий берег» звонят поздно вечером. Незвестный называет имя, возраст и время завтрашнего прощания. Элина Берг записывает предварительное обращение. Мужчина, которого собираются хоронить, ещё жив. Утром его находят убитым. Вечером того же дня звонивший называет имя Элины. Пока полиция пытается защитить её, в небольшом городе на Волге вспоминают давнюю катастрофу и деньги, собранные для пострадавших. В списке тех, от кого требовали ответа, оказывается отец Элины, умерший полгода назад. Среди его вещей могут остаться объяснения, которых она боится не меньше нового звонка. Элина привыкла помогать людям прощаться. Теперь ей предстоит разобраться, кто назначает похороны заранее и почему так много живых готовы поверить чужому голосу.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Предварительное обращение	5
Глава 2. Утро Эммы	11
Глава 3. Мужчина у пекарни	16
Глава 4. Голос в записи	22
Глава 5. Имя полностью	28
Глава 6. Комната без номера	34
Глава 7. Чужой шум	40
Глава 8. Оставшиеся места	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

А.М. Сунгурский

Кого хоронят завтра

Глава 1. Предварительное обращение

Покойнице были велики туфли.

Элина заметила это ещё днём, когда сын Виолы Даниловой поставил на стол коробку. Хорошие туфли, тёмно-синие, с тонкими ремешками. Между каблуком и картоном лежал чек двухнедельной давности: четыре тысячи девятьсот рублей, магазин в новом торговом центре.

— Она их не надевала, — сказал Дамир. — Но собиралась.

Теперь, в половине одиннадцатого вечера, коробка всё ещё стояла рядом с принтером. На крышке её рукой было написано: «Уточнить». Элина сняла очки, протёрла переносицу и посмотрела на записку, которую Дамир оставил вместе с одеждой. Платье, бельё, серьги. Про туфли он вывел отдельно, крупнее: «Обязательно».

Днём она не стала объяснять, что это слово ничего не решало. Можно было положить обувь рядом. Можно было подобрать другую. Можно было не заставлять человека, который впервые принёс чужую одежду в похоронное бюро, принимать ещё одно решение.

Но Роза Павловна сказала перед уходом:

— Он придёт утром. Спроси его. Ты ведь не знаешь, что это за туфли.

Элина знала марку, размер и цену. На этом её знания заканчивались.

Она повернула крышку надписью к стене и открыла расписание. Ночная смена по понедельникам была её собственной затеей. Они с Розой Павловной разделили дежурства: круглосуточный телефон требовал живого человека, хотя тело ночью перевозила дежурная городская служба, а не их бюро. Телефон всё равно звонил, а дома она после смерти отца спала хуже, чем в кресле у бухгалтерского шкафа. В бюро можно было отвечать людям, пить чай, отмечать поступившие обращения. Никто не спрашивал, почему в кухне до сих пор лежит отцовская куртка.

За окном Набережная улица блестела под дождём. Из пивного бара напротив вышли двое, один старательно удерживал над обоими сломанный зонт. Ветер вывернул его, они рассмеялись. Элина услышала смех даже сквозь стекло.

Она поставила чайник.

На мобильном светилось сообщение Эмиля: «Завтра в десять приходит человек посмотреть мастерскую. Мне нужно, чтобы ты была».

Ниже, присланное через четыре минуты: «Или просто напиши, что опять нет».

Она набрала: «У меня встреча с семьёй».

Стёрла.

Встреча с Дамиром была в девять, и при желании она могла успеть. Мастерская находилась в пятнадцати минутах ходьбы, за рыбным рынком. Витрина давно осыпалась серой шелухой; Эмиль дважды приезжал клеивать стекло, пока она присылала ему сообщения о том, что отцовские вещи следует разбирать осторожно.

Элина написала: «Постараюсь к половине одиннадцатого».

Ответ пришёл сразу: «Он может в десять».

Чайник выключился. Она положила телефон экраном вниз.

В бюро было несколько звуков, которые после полуночи становились отчётливее: старый холодильник в кухне, шуршание бумаги в принтере, шаги жильца над соседней аптекой. Морга у них не было: только зал для прощаний и служебные комнаты. Умерших привозили к назначенному часу. Жилец приходил поздно и каждый раз сначала ронял что-то у порога. Элина

никогда с ним не разговаривала, но знала: судя по звукам, человек живёт один, носит тяжёлые ботинки и перед сном передвигает стул.

Сейчас сверху было тихо.

Телефон зазвонил, когда она несла чашку к столу.

Прежде чем соединить разговор, система произнесла предупреждение о записи. Элина успела поставить чай на подставку, нажать зелёную кнопку и выпрямиться. Этот последний жест никто не видел, однако голос от него менялся.

— Похоронное бюро «Тихий берег». Элина слушает.

— Мне нужно на завтра.

Мужчина. Или женщина с низким голосом. Слова были слишком близко к микрофону; на согласных возникал сухой треск.

— Чем я могу вам помочь?

— Прощание. В три часа.

Она открыла новую карточку. В верхнем углу экрана появилось время: 22:41.

— Вы уже разговаривали с кем-то у нас?

— Нет.

— Примите мои соболезнования. Как зовут умершего?

— Эдуард Ланин. Пятьдесят четыре года. Эдуард, не Эдвард.

Элина набрала имя. Оно было знакомым, но в Реченске знакомыми казались почти все фамилии. Люди покупали у одних и тех же торговцев, вместе сидели в приёмной врача, жаловались в одной городской группе. Она могла читать фамилию Ланина в извещении о собрании жильцов.

— Где сейчас находится умерший?

— Пока не у вас.

— В больнице? Дома?

— Документы принесут утром.

Элина перестала печатать.

На вопрос о месте смерти некоторые не могли ответить с первого раза. Они называли квартиру, хотя человека увезли. Говорили «в спальне», имея в виду морг. Одна пожилая женщина долго повторяла, что муж на рыбалке, и только когда Элина спросила, кто сейчас рядом с ней, назвала полицейскую.

— Я могу записать ваше обращение, — сказала она. — Но назначить прощание на завтра без дополнительных сведений не получится. Нужно понять, в каком он морге, какие документы получены и когда возможна выдача. Если смерть неестественная, отдельно решается вопрос со следствием.

— Запишите три часа.

— Это пожелание, не подтверждённое время. Как вас зовут?

Треск прекратился. Элина услышала очень короткий выдох.

— Цветы белые. Без лилий.

Она посмотрела на фразу «Контактное лицо». Пустое поле казалось слишком светлым.

— Вы родственник Эдуарда Ланина?

— Нет.

— Кем вы ему приходитесь?

— Тем, кто не забудет.

В коридоре щёлкнула труба. Элина машинально оглянулась на дверь, потом снова повернулась к экрану.

— Мне нужен номер, по которому мы сможем связаться с вами утром.

— Он у вас есть.

Номер действительно отображался. Обычный мобильный. Она скопировала его в карточку и сверила последние четыре цифры.

— Правильно ли я понимаю, что вы хотите предварительно обсудить церемонию для Эдуарда Ланина? Сам факт смерти пока нам не подтверждён.

— Вы правильно записали фамилию?

— Ланин.

— Тогда до утра.

Разговор закончился.

Элина ещё несколько секунд держала трубку у уха. Потом положила её и увидела, что задела локтем чашку, придвинутую слишком близко к папке: чай перелился через край.

На белом листе медленно расплзлось коричневое пятно.

Она достала салфетки. В карточке осталось имя, возраст, неподтверждённое время, белые цветы и отказ от лилий. В заметках Элина написала: «Местонахождение умершего не сообщил. Кем приходится, не уточнил. Позвонить. Ничего не подтверждено».

Потом добавила: «Необычный разговор».

Эта запись раздражала её. Необычным в их работе могло оказаться почти всё. Человек заказывал для мужа музыку из передачи о сельском хозяйстве. Дочь привозила в пакете школьную доску, потому что мать сорок лет преподавала и попросила взять с собой мел. Мужчина хотел, чтобы жена лежала в пальто: она всегда мёрзла.

Элина убрала слово «необычный» и оставила факты.

Позвонила по указанному номеру. Длинных гудков не было. Женский механический голос сообщил, что абонент недоступен.

Она отправила Розе Павловне короткое сообщение о звонке, без подробностей: предварительное обращение, человек отказался назвать себя, утром нужно проверить. Хозяйка ответила через минуту: «Ничего не обещаю. Я буду в восемь».

Элина нажала на значок записи. Ей хотелось убедиться, что последние слова были именно такими, какими она их запомнила.

«Тогда до утра».

Никакого особого значения голос им не придавал.

Она выключила воспроизведение.

* * *

В одиннадцать двадцать приехал Тимур.

Он вошёл с чёрного хода, стряхивая дождь с рукавов. Волосы прилипли к вискам, одна щека была краснее другой — печка в старом фургоне грела только со стороны водителя. Элина услышала, как он сначала вымыл руки, а потом долго искал в коридоре сухой пиджак.

— Есть чай? — спросил он.

— Есть вода и пакетик.

— Уже роскошь.

Он принёс из кухни вторую чашку и остановился возле коробки.

— Данилова?

— Да.

— Сын у неё хороший.

— Ты с ним разговаривал?

— Он держал дверь, когда мы выносили из зала стойки. Держал, пока не погрузили их в машину. Потом спросил, надо ли помочь нам с одеждой. Он привёз ещё один пакет, когда тебя не было.

Тимур отпил, обжёгся и поставил чашку.

— Не говори ему завтра, что он хороший. Все ему это говорят. Он уже злится.
Элина посмотрела на него с удивлением.

— Что?

— Ничего.

— У меня двое, забыла? Когда их хвалят за то, что им плохо, они это замечают.

Он расстегнул ворот рубашки. Под ним белела полоска кожи, а ниже начиналась старая татуировка, которую он прятал на работе. Одно лето Тимур возил их всех на шашлыки; Элина видела целиком огромную рыбу с человеческим глазом и надпись, которую так и не сумела прочесть.

— Был звонок, — сказала она. — Ланин. Эдуард Ланин.

— Бухгалтер?

— Не знаю.

— С очками на цепочке?

— Мне его не показали по телефону.

— Ну да.

Он задумался.

— Если тот, которого я знаю, так я его видел в субботу. У причала. Он ещё ругался с автоматом для оплаты стоянки.

— Это ничего не значит.

— Я и не говорю, что значит.

Тимур подошёл к окну, посмотрел на улицу и поправил нижний край жалюзи. Из бара снова вышли люди. Вода стекала с маркизы тонкими нитями.

— Мне домой ехать или ты ещё с этим заказом разбираешься?

— Езжай. Никто даже не сказал, где он. Это пока не заказ, просто звонок. Утром разберёмся.

Он допил чай, но чашку не унёс. Элина показала на кухню.

— У тебя двое детей, — напомнила она.

— Поэтому я и пользуюсь каждой возможностью.

Он забрал чашку и ушёл мыть.

После его отъезда Элина снова посмотрела на номер. Перезванивать второй раз она не стала. Если человек находился рядом с умершим и выключил телефон, ещё один вызов ничего не улучшил бы. Если это был розыгрыш, она не собиралась поддерживать разговор.

В графе завтрашних подтверждённых церемоний стояли две другие фамилии. Элина не добавила к ним Ланина.

Мимо окна медленно прошла женщина в жёлтом дождевике. В руке она несла пластиковый стакан из бара, прикрыв его ладонью. На секунду остановилась под фонарём и посмотрела прямо внутрь.

Элина знала этот взгляд. Люди задерживались у освещённого бюро с выражением, которого не было у витрин пекарни или аптеки. Кто-то проверял, действительно ли там сидит человек. Кто-то вспоминал. Кто-то просто хотел понять, как выглядит место, в которое однажды придётся войти.

Женщина подняла стакан, словно приветствуя её, и пошла дальше.

Элина ответила запоздалым кивком.

* * *

В полночь она разложила на полу письма отца.

Пакет лежал у неё под столом третью неделю. Эмиль привёз его из мастерской и сказал, что среди счетов могут быть бумаги на помещение. Элина забрала пакет, пообещала посмот-

реть и несколько раз перекладывала из машины домой, из дома в бюро. Теперь нужно было хотя бы отделить документы от поздравительных открыток.

Отец сохранял конверты. Не письма — именно конверты: с адресом, маркой, именем отправителя. Открытки находились между квитанциями, а тщательно надорванные пустые обложки были сложены в отдельную папку.

Она вынула письмо от дяди из Самары. Внутри была одна строка: «Если ты снова собираешься покупать эту развалину, позвони мне до, а не после».

Какую развалину, Элина не знала. Отец покупал инструменты, мотоциклы, лодку без двигателя и однажды промышленную швейную машину, хотя не умел даже подшить брюки. У него всегда находился человек, которому всё это скоро понадобится.

Эмиль называл мастерскую складом чужих будущих намерений.

Внизу пакета лежал маленький красный свитер. Элина подняла его на вытянутых руках и поняла, что он её. Спереди был криво пришит белый парус. Мать пришивала его ночью перед школьным праздником, потому что Элина забыла предупредить, что должна изображать корабль.

Она помнила не сам праздник, а утреннее раздражение: у других кораблей были картонные трубы и перила, а у неё только парус на животе.

Отец, оказывается, сохранил свитер.

Элина свернула его и положила себе на колени.

Когда позвонил Эмиль, она ответила не сразу.

— Ты где?

— В бюро.

— Я знаю. Ты на работе или уже спишь?

— Разбираю пакет.

— Какой?

— Который ты привёз.

Эмиль помолчал.

— Там важное есть?

Она посмотрела на парус.

— Не знаю пока.

— Договор аренды ищи в синей папке. Тот человек завтра всё равно приедет. Я ему не отменял.

— Я могу прийти чуть позже.

— Ты так говоришь, будто мы встречаемся поест. Он смотрит помещение. Ему нужен ответ, можем ли мы освободить его до декабря.

— В декабре было бы восемь месяцев.

— Да.

— Эмиль.

— Я умею считать, Элина.

В трубке что-то звякнуло. Он, вероятно, тоже ещё работал: брал частные заказы по вечерам и жаловался, что руки помнят резак даже во сне.

Она провела большим пальцем по белому парусу.

— Ты это видел? Мой красный свитер?

— Видел.

— Он его сохранил.

— Я положил в пакет.

— Я понимаю. Но отец...

— Элина, там под верстаком стояли три мешка. Если бы я их не разобрал, свитер уехал бы со всем остальным. Я не собираюсь сжигать твоё детство. Мне нужно только перестать платить за помещение, в котором никто не работает.

Она хотела ответить резко, но он говорил тихо, без привычной усмешки, и это лишало её удобного повода.

— Хорошо, — сказала она. — В десять.

— Правда?

— Я постараюсь перенести встречу.

— Опять постарайся.

— Эмиль, я сказала, что приду.

— Спасибо.

После разговора она записала на листке: «Дамир — позвонить в восемь». Потом подумала и зачеркнула. Мальчик уже строил утро вокруг этой встречи; у неё не было права сдвигать его только потому, что она сама три недели не могла разобрать пакет.

В девять поговорит с ним. В десять придёт к брату. Если уйти сразу, времени хватит.

Элина сложила бумаги обратно, оставив снаружи синюю папку и свитер. Из кухни пахло мокрой тряпкой: Тимур вымыл свою чашку и оставил тряпку в раковине, хотя Роза Павловна запрещала. Элина встала, расправила её на бортике и выключила свет.

На улице утих дождь.

В половине второго Элина откинула спинку кресла, поставила будильник на семь и закрыла глаза. Телефон оставался включённым. В их договорённости с Розой Павловной сон не считался нарушением дежурства, если она отвечала не позже четвёртого сигнала.

Ей приснилось, что она стоит в школьном коридоре в красном свитере. Парус тянет её вперёд, люди расступаются, и никак не удаётся остановиться у нужной двери.

Когда она проснулась, за окном уже работала мусороуборочная машина.

В карточке неподтверждённого обращения рядом с именем Эдуарда Ланина стояла вчерашняя дата.

Глава 2. Утро Эммы

Эмма проснулась во вторник от того, что во дворе кто-то долго пытался завести машину. Стартер схватывал, умолкал, снова начинал жалобно крутиться. Она лежала на боку и ждала, когда человек наконец перестанет. Потом поняла, что рядом никто не ворочается и не объясняет, что в такую сырость сначала нужно проверить аккумулятор.

Эдуард не пришёл.

Она посмотрела на часы. Семь четырнадцать. Свет за шторами был серый, без примеси солнечного цвета. На соседней половине кровати лежало сложенное одеяло, как она оставила его вчера вечером.

Сначала Эмма рассердилась.

Он умел исчезать из разговора, не выходя из комнаты. Мог открыть телефон, вспомнить срочное письмо, начать чинить то, что не ломалось несколько месяцев. После её решения уехать к сестре на время он пару раз уходил гулять до глубокой ночи. Возвращался тихо, будто это она устроила ему неудобство и теперь он великодушно не собирался будить её своим возвращением.

Но до утра раньше не оставался.

Эмма взяла телефон. Ни одного сообщения. Написала: «Ты где?»

Ответа не было.

Она встала, надела халат и пошла на кухню. На столе стояла чашка, из которой он пил вчера чай. Внутри по краю застыла тёмная полоска. Ключей на крючке не было. Куртки тоже. Значит, не пришёл и не ушёл рано. Просто не пришёл.

Эмма налила воду в чайник и положила в раковину чашку. Потом достала обратно. Почему-то захотелось, чтобы он сам её вымыл, когда вернётся.

Это было мелкое, сердитое желание. Позже она будет вспоминать его с таким стыдом, будто могла знать утром всё, чего ещё не знала.

* * *

Накануне они говорили о полках. Эмма хотела забрать два стеллажа из маленькой комнаты, где работала дома. Эдуард сказал, что новые стоят недорого, можно купить, незачем разбирать старые. Она ответила, что эти подходят ей по размеру.

— Я оплачу новые, — предложил он.

— Я не прошу оплатить.

— Я просто предлагаю.

— А я просто хочу забрать свои стеллажи.

На этом разговор мог закончиться. Но Эдуард начал объяснять, что при перевозке крепления разболтаются, что в новой квартире может оказаться другая высота потолка, что сестра всё равно станет жаловаться на коробки. Эмма напомнила, что едет к сестре временно, а квартиру уже нашла. Он посмотрел на неё так, словно услышал об этом впервые.

Она говорила ему три раза.

— Ты всё решила, — произнёс он.

— Да.

— А я ещё пытаюсь разговаривать.

Эмма стояла возле окна, держа в руках металлическую линейку. Ей нужно было снять размер старого тканого полотна, чтобы заказать основу, и она так и не дошла до стола. Полотно лежало раскрытое, углы прижаты маленькими мешочками с песком.

— Ты пытаешься сделать вид, что решения ещё нет, — сказала она.

Он отвернулся. Взял телефон, посмотрел на экран и сразу стал другим: внимательным, собранным, почти испуганным. Вышел на балкон, прикрыл дверь.

Эмма вернулась к полотну. Считать сантиметры было легче, чем объяснять, почему она больше не хочет жить в комнате, где любое её решение считается временной эмоцией.

Из-за балконной двери доносились отдельные слова. «До завтра». «Я уже договорился». «Нет, не у тебя». Она не вслушивалась. Эдуард говорил по работе часто, и в последнее время она сама просила его закрывать дверь, если разговор затягивался.

Позже он вошёл, сел за стол и сказал:

— Во вторник у меня юрист.

Эмма подняла глаза.

— Хорошо.

— Ты даже не спросишь, зачем?

— Если хочешь сказать, скажи.

Он покрутил телефон в руках.

— Нужно некоторые вещи привести в порядок.

Она решила, что он говорит о разводе. Что наконец понял: речь не о новом шкафе, не о поездке, не о её усталости. На секунду почувствовала благодарность, хотя благодарить за принятие очевидного было обидно.

— Если понадобятся мои документы, скажи заранее, — ответила она.

Эдуард посмотрел на неё, открыл рот и закрыл. Потом сказал, что вечером встретится со знакомым и немного прогуляется.

— Не жди.

— Я не жду, — сказала Эмма.

Он ушёл. Она осталась с полотном, которое нужно было осторожно свернуть, прежде чем освобождать стол.

* * *

В семь сорок телефон мужа всё ещё не отвечал. Вызов шёл долго, потом обрывался. Эмма написала ещё одно сообщение и сразу пожалела: оно получилось слишком сердитым.

«Если ты решил заставить меня волноваться, получилось. Теперь ответь».

Она перечитала. Не удалила. Не хотела делать вид, что не злится.

У сестры ещё спали. Звонить ей сейчас означало начать утро с нового разбора собственного брака. Эмма представила, как та садится в кровати, ищет очки и говорит: «Я же тебе говорила». Не позвонила.

Вместо этого открыла рабочий чат. Заказчица спрашивала, успеет ли она закончить покрывало к приезду родственников. Эмма ответила, что постарается, и тут же исправила: сможет подтвердить срок после сегодняшнего осмотра. Ей надоело давать людям обещания, которые потом приходилось выполнять ночами.

Она оделась. Выбрала старые брюки, тёплую кофту, собрала волосы. Завтракать не хотелось. Взяла кусок хлеба, откусила, положила обратно на тарелку и снова посмотрела на телефон.

В восемь десять позвонила Кире, сестре Эдуарда.

Та ответила бодро, с шумом улицы за спиной. Уже шла на работу.

— Он тебе не звонил? — спросила Эмма.

— Когда?

— Вчера вечером. Или ночью.

— Нет. Что случилось?

Эмма объяснила коротко. Не стала говорить о стеллажах, о линейке в руках, о фразе «я не жду». Всё это слишком легко превращалось в рассказ, где нужно было определить виноватого ещё до того, как человек ответит на телефон.

Кира сказала, что попробует позвонить сама. Потом спросила:

— Вы опять поругались?

— Мы давно разговариваем об одном и том же.

— Он переживает.

Эмма посмотрела на чашку мужа возле раковины.

— Я тоже.

Кира замолчала, затем пообещала написать, если он ответит.

* * *

Звонок в дверь раздался, когда Эмма застёгивала сумку. Она подумала, что Эдуард потерял ключи. Рассерженно выдохнула и пошла открывать, уже готовая сказать, что взрослый человек может хотя бы позвонить заранее.

За дверью стояли двое. Мужчина показал удостоверение, назвал её имя, спросил, можно ли войти.

Эмма сначала посмотрела ему за плечо. В коридоре никого больше не было.

— Что с Эдуардом?

Сотрудник спросил, приходится ли она женой Ланину Эдуарду. Назвал отчество. Она кивнула и услышала собственное дыхание, внезапно слишком громкое в узкой прихожей.

Ей предложили сесть.

Эмма осталась стоять.

— Скажите.

Дальше слова приходили отдельно. Найден мужчина. Документы. Предварительно установлена личность. Признаки насильственной смерти. Нужно будет выполнить необходимые действия, связаться с родственниками, ответить на вопросы о последнем вечере.

Она сказала, что они ошиблись.

Не потому, что действительно была уверена в ошибке. Просто другой фразы у неё ещё не было.

Сотрудник не спорил. Повторил то, что мог сообщить, спокойно, без подробностей, которые могли бы стать картинками. Спросил, есть ли рядом человек, которому можно позвонить.

Эмма назвала сестру. Не смогла сразу найти её номер, хотя звонила ей почти каждый день. Телефон показал рабочие чаты, непрочитанные сообщения, фотографию покрывала. Она листала не туда.

Мужчина подождал. Номер нашёлся.

Когда сестра ответила, Эмма сказала:

— Приезжай, пожалуйста.

— Что случилось?

— Приезжай.

Она не смогла произнести слово «убили». Оно было слишком большим для собственной кухни, где ещё грелся чайник и лежал надкушенный хлеб.

* * *

Вопросы о последнем вечере оказались точными и простыми. Во сколько он ушёл? В чём? На своей машине? К кому собирался? Были ли необычные звонки, конфликты, угрозы?

Эмма отвечала, иногда останавливалась, исправлялась. Время ухода не помнила до минуты. Сказала промежутки. Куртку описала. Машина осталась во дворе: он ушёл пешком. Знакомого не назвал. Во вторник собирался к юристу.

Когда спросили о конфликтах, она замолчала.

Сотрудник повторил вопрос иначе, и Эмма поняла, что сейчас может промолчать о разводе. Сказать «обычные семейные дела». Оставить последний вечер чистым, без стеллажей и закрытой двери. Никто из присутствующих ещё не знал.

— Мы собирались расстаться, — сказала она.

Слова прозвучали очень тихо.

Мужчина записал и спросил, как давно они обсуждали это. Не посмотрел на неё с осуждением, не попытался утешить тем, что всё это теперь неважно. Эмма ответила. От конкретного вопроса стало легче продолжать.

Потом вспомнила пятничный звонок Адама Керимова. Сказала, что часть разговора сохранила, потому что испугалась его тона. Предупредила сразу: начало не записано.

Сотрудник попросил не удалять файл, объяснил, как передать его следователю. Эмма кивала и почти ничего не удерживала в голове. Он предложил записать нужное на бумаге.

Когда приехала сестра, на столе уже лежал лист с именем, номером телефона и несколькими короткими пунктами. Рядом всё ещё стояла немытая чашка Эдуарда.

Сестра увидела её и автоматически взяла, чтобы убрать в раковину.

Эмма остановила её руку.

— Подожди.

Сестра посмотрела с испугом.

— Что?

Эмма сама не знала. Утром она хотела, чтобы муж вымыл эту чашку. Теперь чашка стала последней вещью, которую она оставила ему назло. Никакого разумного отношения к происходящему это не имело, но отпустить ручку пока не получалось.

— Просто поставь, — сказала она.

Сестра поставила.

* * *

Розе Павловне Эмма позвонила около девяти. Номер нашла по старой переписке: несколько лет назад они уже обращались в «Тихий берег» после смерти дальнего родственника.

Она не собиралась заказывать время и место. Хотела, чтобы кто-нибудь объяснил, с чего теперь начинать, когда утром твоего мужа нет дома, а потом люди в прихожей говорят, что его больше нет нигде, куда ты можешь позвонить.

Роза выслушала. Сказала, что сейчас не нужно ничего оплачивать и выбирать, что сначала будут документы и разрешение на выдачу, что семья может обратиться к ним позже. Спросила, есть ли рядом кто-то свой.

Эмма посмотрела на сестру, которая сидела на табурете в пальто, забыв его снять.

— Есть.

— Хорошо. Запишите мой номер, если потеряете переписку. И пока не соглашайтесь на предложения людей, которым вы сами не звонили. Вам сейчас будут много говорить.

Эмма записала.

Положив телефон, она спросила сестру, можно ли пожить у неё несколько дней. Та ответила сразу, без «я же говорила», без торжества человека, чьё предсказание сбылось.

— Конечно.

Эмма встала и пошла собирать сумку. Взяла бельё, кофту, очки, зарядку. Потом вернулась за коробкой ниток, потому что не представляла, чем будет занимать руки, когда остальные перестанут задавать вопросы.

У двери она посмотрела на чашку ещё раз.

— Помой, пожалуйста, — сказала сестре.

Сестра кивнула и пошла к раковине.

Эмма стояла в прихожей, слушала шум воды и пыталась привыкнуть к тому, что может одновременно ждать возвращения человека и знать, что он не вернётся.

Глава 3. Мужчина у пекарни

Утром город пах горячим хлебом и мокрой пылью.

Элина вышла через служебную дверь, чтобы вынести мусор, и увидела на ступеньке красное яблоко. Оно лежало плодоножкой вниз, совершенно целое. За ночь кто-то потерял его, а дождь вымыл так тщательно, что оно выглядело нарисованным на сером бетоне.

Она подняла яблоко, положила на подоконник и вернулась за курткой. До прихода Розы Павловны оставалось двадцать минут. Пекарня через дорогу открывалась в половине восьмого; можно было купить завтрак, пока не начали звонить.

Внутри пекарни двигали стулья. Одна из продавщиц показывала второй что-то на телефоне, обе смеялись. На витрине стояла вчерашняя табличка «Хлеб с клюквой», а под ней лежали сосиски в тесте.

— Кофе? — спросила молодая продавщица.

— Большой. И два этих.

— С сыром?

— С чем получится.

Девушка достала бумажный пакет и потянулась к щипцам.

На телефоне второй продавщицы мужчина в фартуке пытался снять с противня очень длинную булку. Булка переломилась посередине. Из динамика раздался хохот, а за стеклом, в глубине кадра, мелькнул человек с пакетом.

— Это вы вчера? — спросила Элина.

— После закрытия. Новый пекарь у нас. Он сказал, что умеет багеты.

— Получилось два.

Девушка рассмеялась.

— Вот и я говорю. Начальница велела удалить, а он сам выложил.

Элина расплатилась и, пока кофе готовился, посмотрела на экран ещё раз. Мужчина за стеклом снова прошёл мимо. Лицо было видно боком, но она узнала очки на цепочке. Именно такой человек сидел рядом с отцом на фотографии, которая несколько лет висела в мастерской.

Имя всплыло сразу, без усилия.

Эдуард Ланин.

Она вспомнила, как отец привёл его однажды домой за старой электродрелью. Ланин долго отказывался от чая, потом выпил три чашки и рассказывал, что люди стали слишком бояться наличных денег. Элине было около двадцати пяти, она собиралась куда-то уйти и злилась, что он стоит в прихожей прямо перед зеркалом.

— Это точно вчера снимали?

Продавщица перестала заворачивать пакет.

— Что?

— Ролик. С булкой.

— Ну да. Я до одиннадцати была. Мы потом ещё уборку делали. А что?

— Просто знакомого увидела.

— У нас все знакомые.

Она протянула стакан. Крышка не села с первого раза, девушка прижала её двумя ладонями.

Элина ещё раз взгляделась в запись. Позади смеющегося пекаря шёл мужчина: в одной руке нёс небольшой прозрачный пакет, другой держал телефон у уха. Плечи были сутулыми, походка раздражённо-быстрой. Он двигался в сторону набережной.

— А время там есть?

— В телефоне должно быть. Я вам могу ссылку дать.

— Дайте, пожалуйста.

Девушка назвала страницу пекаря. Элина нашла ролик, поставила на паузу и увидела под ним: «Вчера, 23:18».

Это было время публикации. Ролик мог быть снят раньше.

Она повторила это про себя, вышла и остановилась перед переходом. Кофе обжигал пальцы сквозь картон. На другой стороне улицы Роза Павловна уже открывала дверь бюро. Одной рукой она держала сумку, другой прижимала к боку длинную картонную коробку.

Элина дождалась зелёного сигнала.

* * *

— Нашёлся ваш ночной? — спросила хозяйка вместо приветствия.

— Пока нет.

— Я посмотрела сообщение. Пьяный, наверное.

— Может быть.

Роза Павловна поставила коробку на стул. Из неё торчали белые пластиковые буквы.

— Опять привезли не тот размер. Просила шесть сантиметров, сделали восемь. У них что, свои сантиметры?

Элина положила перед ней пакет с завтраком.

— Здесь два. Второе вам.

— Ты ела ночью?

— Я принесла вам булку, а не медицинскую справку.

— Значит, не ела.

Роза Павловна расстегнула плащ, повесила на крючок и потянулась к бумажному пакету. Пластырь на большом пальце зацепился за него.

— Об эти буквы палец распорол, — сказала Роза, прижав пластырь. — Ещё и края не обработали. У тебя в девять Данилов?

— Да. Потом мне нужно к брату. Ненадолго.

— Иди. Я здесь.

— В десять.

— Значит, в десять.

Элина достала мобильный.

— Посмотрите, пожалуйста.

Роза Павловна держала сосиску в тесте над салфеткой, чтобы не насыпать крошек на бумаги. Посмотрела видео сначала без звука, потом попросила повторить.

— Пекарь смешной. И что?

— Человек за стеклом. Это Ланин?

Хозяйка приблизила телефон к лицу.

— Похож.

— Тот, про которого ночью звонили.

Роза Павловна отложила завтрак.

— Снято когда?

— Продавщица говорит, вчера после закрытия. Выложили в одиннадцать восемнадцать.

— А звонили?

— В десять сорок одну.

Они помолчали.

В кабинете щёлкнул принтер, выпуская расписание на день. Роза Павловна придержала лист, пока он не выехал целиком, и положила на стол белой стороной вверх.

— Публикация ничего не значит, — сказала она.

— Я понимаю.

— Мог снять в девять, выложить через два часа.

— Да.

— Ты перезванивала?

— Ночью. Недоступен.

Роза Павловна взяла стационарную трубку.

— Я Ланину сама позвоню. У меня где-то номер был. Они мужу отчётность вели, ещё до его болезни.

Элина отодвинулась, пропуская её к компьютеру. Хозяйка нашла старую таблицу, набрала номер. Ждала долго, глядя на телефон так, будто ответ зависел от внимательности её взгляда.

Никто не поднял.

— Может, спит ещё, — сказала она и сразу нахмурилась. — Так. Давай без этих «может». Запись сохрани, карточку не трогай. Если он перезвонит, я сама с ним поговорю.

— А если не перезвонит?

— Тогда...

Дверной звонок заглушил конец фразы.

На пороге стоял Дамир Данилов. Без куртки, в серой толстовке с мокрыми плечами. Элина посмотрела на часы: восемь пятнадцать.

— Я рано, — сказал он. — Извините. Автобус так пришёл.

Он действительно приехал на автобусе: в ладони был зажат маленький билет, размокший от дождя. Дамир растирал его большим пальцем, и бумага сворачивалась в катышки.

— Ничего, — сказала Элина. — Проходи.

Роза Павловна молча взяла свой завтрак и ушла в кабинет.

* * *

Первым делом Дамир спросил, когда заплатить оставшуюся сумму.

Элина повернула к нему договор и показала строку с датой. Он посмотрел, кивнул, но кошелек не убрал.

— Можно сейчас.

— Можно. Только сначала закончим с тем, что ты вчера принёс.

Дамир увидел коробку.

— Что-то не так?

— У мамы был тридцать восьмой размер?

— Кажется.

— Здесь сороковой.

— Она их сама купила.

Элина подвинула к нему чек.

— Я не сомневаюсь. Просто хочу спросить. Это для неё очень важная вещь?

Он посмотрел на туфли, потом на неё.

— Я откуда знаю?

Голос прозвучал грубее, чем он хотел. Дамир потянул ворот толстовки и отвернулся к окну.

Элина не стала помогать ему извиниться.

— Она их поставила в коридоре, — сказал он наконец. — В коробке. Сверху записку: «Не трогать». Я думал, они ей на выписку. Чтобы обратно не в тапках.

— Понимаю.

— Вы всё время это говорите.

Она опустила глаза на чек. На обороте была вдавленная линия, которую ночью она приняла за след ручки на другом листе. Теперь, при дневном свете, рядом различалось несколько букв.

— Можно я посмотрю?

Дамир пожал плечами.

Элина подняла бумагу к лампе. На обороте карандашом было написано: «Люське. Если малы — до 20-го».

Она положила чек перед ним.

Дамир долго читал эти четыре слова.

— Это тётя, — сказал он. — Людмила.

Потом достал телефон и нажал вызов. В трубке ответили почти сразу. Он слушал, глядя в стол, и несколько раз пытался что-то сказать, но его перебивали.

— Я понял, — произнёс он наконец. — Да понял я. Здесь они. Я заберу.

Он отключился.

— У неё день рождения. Двадцатого. Мама заказала в интернете, потому что в магазине не было. Я не знал.

Элина закрыла коробку.

— Значит, заберёшь.

Дамир взял её обеими руками. На секунду показалось, что он сейчас заплачет, но он только выдохнул и поставил коробку себе под стул.

— А маме что?

— Есть другие туфли?

— Дома. Обычные.

— Можешь привезти обычные. Или мы оставим так, как договорились, без обуви. В этом нет ничего плохого.

Он кивнул, но решение ещё не принял. Элина дала ему время.

Из кабинета донёсся голос Розы Павловны. Хозяйка с кем-то разговаривала по телефону, коротко, почти сердито. Дамир повернулся на звук.

— Это не про тебя, — сказала Элина.

— Я знаю.

Он посмотрел на лежащую перед ним анкету. В графе музыки вчера написал название песни, которую Элина не знала, и теперь обвёл его пальцем.

— Можно, чтобы вот это было в конце?

— Конечно.

— Там слова не очень.

— В каком смысле?

— Ну, смешные. И про любовь. Она под неё уборку делала. Орала на всю квартиру. Соседка стучала.

Он улыбнулся, совсем ненадолго.

— Принеси запись, — сказала Элина. — Послушаем заранее. Чтобы включить именно ту.

— Вы не будете говорить, что не подходит?

— Я сначала послушаю.

Это, кажется, устроило его больше, чем немедленное согласие.

Когда он ушёл, унося чужой подарок, Элина заметила, что время уже без пяти девять. Встреча закончилась раньше, чем предполагалось. Можно было успеть к Эмилию и не начинать разговор с извинения.

Она убрала договор в папку, застегнула сумку, взяла отцовские документы.

Роза Павловна вышла из кабинета.

— Элина, подожди.

— Я на полчаса.

— Не надо сейчас куда.

Хозяйка держала в руке телефон. На экране была местная новостная группа: фотография парковки, оцепление, серый фургон на заднем плане. Текст сверху сообщал о мужчине, найденном утром возле старого лодочного кооператива.

Имени в публикации не было.

— Мне Эмма позвонила, — сказала Роза Павловна. — Жена Ланина. Это он.

* * *

Первой мыслью Элины было, что она всё-таки успеет в мастерскую.

Мысленно она уже стояла там, возле верстака, держала синюю папку, слушала, как незнакомый человек торгуется с братом. Ей нужно было только передать Розе Павловне карточку, объяснить всё ещё раз, и можно уходить.

Потом она посмотрела на хозяйку и поняла, что та ждёт от неё другого.

— Запись, — сказала Роза Павловна.

Элина положила сумку.

Вчерашний голос прозвучал из маленьких колонок так отчётливо, будто человек стоял у них за спиной.

«Мне нужно на завтра».

Роза Павловна села. Во время разговора она не двигалась, только в конце подняла руку, когда Элина потянулась выключить.

«Тогда до утра».

Ещё несколько секунд на записи были слышны звуки самой приёмной: скрип кресла, щелчок трубки.

— Звони, — сказала хозяйка.

— Эмме?

— В полицию.

Элина набрала номер. Когда ответил дежурный, она назвала себя, адрес и объяснила, что ночью неизвестный сообщил об умершем человеке, а теперь ей стало известно о его гибели. Дежурный попросил не торопиться и повторить фамилию.

Она повторила. Сказала, что есть запись. Уточнила время.

— Откуда вам известно о гибели?

— Хозяйке бюро позвонила жена.

— Вы с ней сами разговаривали?

— Нет.

— Хорошо. Оставайтесь на месте. Ничего не удаляйте. С вами свяжутся.

Элина продиктовала свой мобильный и ещё раз назвала улицу. После окончания разговора увидела три сообщения от Эмиля.

«Ты вышла?»

«Он подтвердил на десять».

«Элина».

Она позвонила ему.

— Я не приду.

— Ну конечно.

— Здесь...

Голос её сорвался на таком незначительном слове, что она даже удивилась.

— Что? — спросил Эмиль.

— Ночью был звонок. Человек заказывал похороны. Теперь тот, про кого он говорил, правда умер. Меня попросили остаться.

Брат молчал.

— Умер потом? — спросил он.

— Я не знаю.

— Кто попросил остаться?

— Полиция.

— Я приеду.

— Не надо. Встреться с человеком.

— Какой человек, Элина?

— Который смотрит мастерскую. Ты же сам...

— Я сейчас приеду.

Он отключился прежде, чем она успела возразить.

Роза Павловна открыла входную дверь, перевернула табличку на стекле и сказала ожидавшей снаружи женщине, что приём начнётся чуть позже. Женщина спросила, надолго ли. Хозяйка ответила: «Не знаю». За семь лет Элина слышала от неё эту фразу всего несколько раз.

Она вернулась к видео пекаря. Мужчина с пакетом шёл за стеклом, отворачиваясь от ветра. Живой. Раздражённый чем-то, что говорили ему по телефону.

Элина увеличила изображение, но оно распалось на цветные квадраты. Она уменьшила обратно. Не нужно было ничего рассматривать. Нужно было только узнать, когда его сняли.

Бессонная ночь словно догнала её разом: заболели плечи, к краям зрения подступила тёмная пульсация.

Роза Павловна поставила перед ней стакан воды.

— Ты сейчас не работай, — сказала она. — Просто сиди.

Элина послушалась.

На подоконнике возле служебной двери осталось красное яблоко. Проходя мимо, хозяйка взяла его и спросила, можно ли убрать в холодильник.

— Оно не моё, — сказала Элина.

Роза Павловна подержала яблоко, потом положила обратно.

Глава 4. Голос в записи

Женщина, приехавшая из Следственного комитета, не стала сразу слушать запись.

Она представилась, показала удостоверение, спросила, удобно ли Элине говорить в этом кабинете, и попросила Розу Павловну пока подождать в приёмной. Эмиль, успевший приехать за десять минут до неё, остался возле окна. Он стоял, прислонившись к батарее, и сжимал в руке отцовскую синюю папку, которую Элина машинально ему отдала.

— Он мой брат, — сказала она.

— Я поняла. Сейчас я поговорю с вами отдельно.

Эмиль посмотрел на сестру. Она кивнула, и он вышел, не закрыв дверь до конца. Следователь встала и притворила её сама.

Диана Сергеевна Королёва была примерно сорока пяти лет, в тёмной куртке поверх простого брючного костюма. На запястье у неё болталась резинка для волос. Пока она доставала блокнот, Элина заметила маленькую белую точку засохшей краски на ремешке часов.

— Расскажите с начала, — сказала Королёва. — Как было. Не то, что вы сейчас об этом думаете.

Элина рассказала о смене, о времени звонка и о том, что неизвестный не назвал ни себя, ни место, где находится умерший. Сначала она говорила медленно, подбирая слова. Потом услышала собственную торопливость и остановилась.

— Я могу включить. Там всё есть.

— Включим. Но сначала мне нужно услышать то, что вы запомнили.

— Я уже переслушивала.

— Сколько раз?

— Один ночью. Сегодня с Розой Павловной. И ещё конец.

Королёва записала.

Элине вдруг показалось, что она испортила какую-то важную часть происходящего, которую могла сохранить, если бы не трогала запись.

— Не надо было?

— Вы ничего запрещённого не сделали. Мне просто нужно понимать, откуда вы помните фразу: из первого разговора или после прослушивания. Это не всегда одно и то же.

Элина посмотрела на стоящую у монитора чашку. На дне было немного вчерашнего чая. Роза Павловна наверняка видела, но даже не попросила убрать.

— В конце он сказал: «Тогда до утра».

— Вы говорите «он». Уверены, что мужчина?

— Нет. Голос низкий. Близко к микрофону. Трещало.

— Какой-то акцент, особенности речи?

— Я не слышала. Он говорил... спокойно.

— Что вы имеете в виду?

Элина задумалась. Люди, звонившие в бюро ночью, далеко не всегда плакали. Иногда их спокойствие пугало сильнее слёз. Они называли фамилию, возраст и адрес так, словно зачитывали заказ на доставку. Она знала, что это может пройти через час или на следующий день.

— Он не переспрашивал, — сказала она. — И не интересовался, что делать дальше. Как будто для него всё уже было решено.

Королёва снова записала.

Из приёмной донёсся мужской голос. Кто-то разговаривал с хозяйкой о доступе к телефонной системе. Роза Павловна перечисляла пароли, потом осеклась, вспомнив, что они записаны в блокноте администратора.

— Мы сохраним исходную запись и сведения о звонке, — сказала следователь. — Вашу карточку тоже посмотрим. Доступ есть только у вас двоих?

— Ещё у нашей дневной сотрудницы. Сегодня у неё выходной. И у человека, который обслуживает программу.

— Фамилии потом уточним. Пока скажите: после звонка вы что-нибудь исправляли в карточке?

Элина рассказала про слово «необычный».

Королёва подняла глаза.

— Что именно вы убрали?

— «Необычный разговор». Потом решила, что это не информация.

— А имя, время, номер?

— Не меняла.

— Хорошо. Давайте теперь послушаем.

Элина включила запись.

В кабинете собственный голос показался ей неприятным. Слишком ровным, почти ласковым. Она говорила с человеком, который уже знал что-то страшное, и предлагала ему уточнить удобное время.

Королёва слушала, не делая записей. На вопросе о том, кем звонящий приходится умершему, слегка наклонила голову. Больше никаких признаков внимания не было.

Когда запись закончилась, Элина сразу сказала:

— Я не согласилась на завтра.

— Я слышала.

— Просто в карточке стоит пятнадцать ноль-ноль. Это не значит...

— Я понимаю разницу между пожеланием клиента и назначенной церемонией.

Следователь произнесла это без раздражения, но Элина замолчала.

— Вы знакомы с Эдуардом Ланиным?

Она рассказала про отца и дредь.

— Дружили?

— Отец с ним? Не знаю. Общались. По работе, кажется. Я тогда уже отдельно жила.

— Когда вы сами видели Ланина в последний раз?

— Лично не помню. На папиных похоронах мог быть. Людей было много.

— Когда умер ваш отец?

— В апреле.

— Причина смерти?

— Инфаркт. Он был в больнице. Это...

Элина остановилась. Королёва ждала.

— Это имеет отношение?

— Сейчас я устанавливаю ваше знакомство с Ланиным. Других выводов из моего вопроса делать не нужно.

За дверью Эмиль уронил папку. Они обе услышали, как он собирает рассыпавшиеся бумаги.

* * *

Видео из пекарни посмотрели на большом экране.

К ним присоединился Руслан Вагапов, оперативный сотрудник в непромокаемой куртке. Он попросил ссылку, уточнил, с кем именно разговаривала Элина, и несколько раз прокрутил короткий ролик. Ланин возникал за стеклом всего на две секунды.

— Время публикации может отличаться, — сказала Элина.

— Может, — согласился Вагапов. — Это проверим.

Она ожидала, что он скажет ещё что-нибудь: узнает походку, заметит предмет в руке, объяснит, куда шёл мужчина. Вместо этого оперативник записал название страницы и вышел звонить.

Королёва спросила, кому Элина уже рассказала о ночном обращении.

— Розе Павловне. Водителю, Тимуру. Брату сегодня. И вам.

— Девушке в пекарне?

— Сказала только, что увидела знакомого.

— В социальных сетях ничего не писали?

— Нет.

— Не размещайте пока запись и сведения из карточки. Если кто-то начнёт спрашивать, не нужно пересказывать детали. Телефоны вам оставим. Вспомните что-нибудь ещё или получите новый звонок — сразу связывайтесь.

— Новый?

Королёва закрыла блокнот.

— Человек может позвонить снова. Это возможность, которую мы должны учитывать.

Элина посмотрела на стационарный аппарат. Он стоял чуть наискось, как всегда после её дежурства. Под прозрачной накладкой пожелтела бумажка с внутренними номерами. На ней рядом с цифрой три ещё было имя сотрудницы, которая ушла два года назад.

— Он был жив? — спросила она.

Следователь не ответила сразу.

— Когда мне звонили. Ланин был жив?

— Мы уточняем хронологию.

— Но его убили?

— Есть признаки насильственной смерти.

Эта осторожная фраза оказалась страшнее прямого ответа. Элина ощутила, как язык прилип к нёбу.

— Я должна была сразу...

— Что именно?

— Позвонить вам. Ночью.

— Вам сообщили о смерти и не дали необходимых сведений. Прямой угрозы в разговоре не было. Вы сохранили обращение и попытались перезвонить. Сейчас важно точно восстановить произошедшее.

Элина кивнула, хотя облегчения не почувствовала.

Королёва попросила паспорт и начала оформлять то, о чём они говорили. Пришлось повторить адрес, место работы, дату рождения. Обычные сведения заняли неожиданно много времени. Элина отвечала и одновременно думала о пекаре с разломанной булкой: в какой момент он нажал кнопку записи, где стоял Ланин за минуту до этого, смотрел ли человек, говоривший с ним по телефону, на такое же мокрое стекло.

Когда ей дали прочитать протокол, она нашла место, где низкий голос был назван мужским.

— Я не уверена, — напомнила она.

Формулировку уточнили.

Элина перечитала весь текст ещё раз и расписалась. Её подпись получилась крупнее обычного.

* * *

Роза Павловна кормила Эмиля пирожком.

Он стоял у подоконника, держа салфетку под подбородком, и выглядел возмущённым. Хозяйка протягивала ему стакан чая.

— Я сказал, что не хочу.

— Я слышала. Теперь ешь.

Элина неожиданно рассмеялась. Смех был коротким, неуместным и кончился кашлем.

Брат поставил стакан.

— Что сказали?

— Чтобы я сообщила, если он снова позвонит.

— Всё?

— Нет, не всё. Эмиль, я не могу сейчас повторять.

Он посмотрел на Королёву, которая вышла следом.

— Её можно забрать домой?

— Конечно. Сегодня ещё может понадобиться уточнить некоторые сведения. Телефон пусть будет включён.

— А человек этот? Который звонил?

— Его устанавливают.

Эмиль, кажется, хотел спросить, почему до сих пор не установили. Элина знала это выражение: чуть поднятая верхняя губа, напряжённая складка между бровями. Когда-то отец точно так же смотрел на мастера, который обещал закончить ремонт через неделю.

Она взяла брата за локоть.

— Пойдём.

Роза Павловна протянула ей сумку и пакет с красным свитером.

— До завтра не выходи. Я с Ларисой договарюсь.

— У неё выходной.

— У неё за переработку деньги будут. Мы взрослые люди, разберёмся.

Элина кивнула.

Королёва задержала её у двери.

— Ещё один вопрос. Человек, звонивший ночью, назвал вас по имени?

Элина вспомнила свою первую фразу: «Элина слушает».

— Я сама представилась. Он не повторял.

— Хорошо.

Следователь отошла к Вагапову. Они заговорили вполголоса, и Элина с братом вышли на улицу.

Дождь прекратился, но небо стало ниже. Над крышами медленно двигался грязно-белый слой облаков. На переходе стояла та самая девушка из пекарни; она посмотрела на Элину, потом на выходящих из бюро людей и больше не улыбнулась.

— Ты на машине? — спросила Элина.

— На такси. Я в мастерской был. Закрыв всё и приехал.

— С тем человеком договорился?

— Нет, велел весь день ждать под верстаком.

Она остановилась.

Эмиль вздохнул.

— Созвонился. Сказал набрать позже. Не страшно.

— Прости.

— За что? За Ланина?

Элина ничего не ответила.

Брат посмотрел на неё внимательнее, забрал тяжёлую сумку и поднял руку, останавливая машину у обочины. Потом вспомнил, что теперь никто так почти не делает, достал телефон и открыл приложение.

Пока они ждали, Элина увидела в окне бюро Королёву. Следователь стояла спиной к улице и слушала запись ещё раз.

* * *

У Эмиля дома пахло стекольной замазкой и жареным луком.

Он жил в съёмной двухкомнатной квартире в новом районе, где дома были разного цвета, а подъезды внутри одинаковые. В большой комнате стояли кровать, компьютерный стол и велосипед без переднего колеса. Маленькую комнату занимали листы стекла, рамы и инструменты; хозяйка квартиры считала её гостевой.

— Она знает? — спросила Элина, заглянув туда.

— Что у меня гости? Знает.

— Про стекло.

— Не стой на пороге. Там в тапках не надо.

Она отошла.

Эмиль поставил чайник, нашёл чистую наволочку и начал стягивать свою с подушки. Элина села на край кровати, не снимая куртки.

— Я могла домой.

— Могла.

— У меня всё есть.

— Я знаю.

Он накрыл подушку, разгладил наволочку ладонью и бросил сверху плед.

— Ложись. Я на кухне буду. Захочешь уехать — отвезу.

Элина сняла ботинки. Ноги в носках казались ей чужими, маленькими. Она легла на бок и услышала, как брат осторожно прикрывает дверь.

Сон не приходил.

За стеной Эмиль передвигал сковородку, открывал холодильник, с кем-то переписывался. Обычные звуки заполняли комнату, но каждый раз, когда мобильный на стуле загорался, Элина поднимала голову.

В два часа позвонила Королёва.

Она попросила уточнить порядок действий после первого разговора: Элина сначала внесла номер в карточку или сначала попыталась перезвонить? Оказалось, она помнила это только приблизительно. Посмотрела на историю своего вызова через служебную программу, вспомнила пятно чая, салфетки.

— Карточку закончила. Потом набрала номер.

— Хорошо. И ещё: видео, которое вы нашли, мы проверяем. Спасибо, что сообщили о нём.

— Там правда вчера?

— Да. Но время съёмки подтверждается и другим источником. Сейчас можно определённо сказать: ваш звонок был раньше.

Элина села.

— Он тогда ещё был жив?

— Да.

Из кухни донёсся голос Эмиля: он спорил с кем-то о толщине стекла, повторяя «шестёрка» так настойчиво, словно от этого слово могло стать толще.

— Насколько раньше? — спросила Элина.

— После одиннадцати его видели живым. Более точные обстоятельства сейчас обсуждать не будем. Мне важно, чтобы вы сразу сообщили о любом продолжении этого разговора.

— Я сообщу.

— И ещё. Если кто-то из знакомых Ланина станет расспрашивать вас о записи, запомните, кто именно и что спрашивал. Не пытайтесь сами выяснять, причастен ли этот человек.

Она согласилась и положила телефон.

Эмиль заглянул в комнату.

— Кто?

— Следователь.

— Что ещё?

Элина посмотрела на него и вдруг поняла, что сейчас произнесёт это вслух, а он уже не сможет сделать вид, будто всё случилось где-то далеко, в чужом рабочем дне.

— Он был жив, когда мне заказывали его похороны.

Эмиль сел рядом с ней.

На кухне продолжал кипеть чайник. Брат не встал его выключить, пока вода сама не отключила нагрев.

Глава 5. Имя полностью

К пяти вечера Элина больше не могла лежать.

За окном, между двумя новыми домами, мальчишки играли в футбол на площадке для выгула собак. Один стоял в воротах, обозначенных пластиковыми бутылками, и каждые несколько минут уходил спорить о правилах. Собака на длинном поводке бегала за мячом с таким восторгом, что хозяин уже перестал её одёргивать.

Элина смотрела на них и пыталась вспомнить, ела ли она купленную утром сосиску в тесте. В памяти остались бумажный пакет, горячий кофе и мужчина за стеклом. Самой еды не было.

Эмиль работал в маленькой комнате. Сквозь стену доносился ровный звук резака, затем короткий, почти беззвучный щелчок. Поначалу Элина вздрагивала. Теперь эти щелчки, наоборот, удерживали её на месте: брат делал что-то знакомое, у его движений был конец, после которого получался ровный край.

Она достала из сумки красный свитер. Положила на колени, поправила парус.

Эмиль заглянул в дверь.

— Ты опять с ним?

— Он был больше.

— Ты была меньше.

Она улыбнулась. Брат вошёл и присел на подоконник, оставив дверь открытой.

— Тот человек согласен в пятницу, — сказал он. — Я ему написал.

— Спасибо.

— Не благодари. Я вообще-то и сам хочу это закончить.

Элина кивнула. Он посмотрел на её телефон.

— Больше ничего?

— Нет.

— В новостях уже фамилия. И что убили. Ты читала?

— Не хочу.

Эмиль потёр ладонью подбородок. На пальцах у него белела стекольная пыль.

— Ланин ведь в этом фонде был. С отцом.

Она подняла глаза.

— В каком?

— После павильона. Когда крыша обвалилась.

Элина вспомнила фотографию в мастерской. Отец и Ланин сидели за столом, перед ними лежали листы, на стене висел плакат с детскими ладонями. Справа стоял ещё один мужчина, а половину кадра занимала женщина, наклонившаяся к кому-то за столом. Элине всегда казалось, что это снимок с какого-то районного собрания.

— Отец говорил, они деньгами помогали.

— Помогали. Потом перестали. Я подробностей не знаю.

— Ты почему сейчас вспомнил?

— Потому что Ланина убили, Элина. У меня голова не только для того, чтобы шапку носить.

Он сказал это привычным отцовским голосом, и обоим стало неловко.

— Следователю скажи, — добавил Эмиль. — Ты же говорила, что они просто знакомы.

Элина написала Королёвой. Та ответила коротко: сведения приняты, при необходимости уточнят.

Ни удивления, ни объяснений.

— Может, они уже знали, — сказал брат.

— Наверное.

— Я бы на их месте первым делом это посмотрел.

Элина не ответила. У Эмиля всегда существовали вещи, которые следовало сделать первым делом. Сменить проводку, вызвать оценщика, выставить старый станок на продажу, проверить фонд. Она завидовала этой ясности, хотя нередко именно ей потом приходилось разбираться с последствиями его первого дела.

Её мобильный завибрировал.

Эльза Витальевна.

Элина показала экран брату, словно подтверждая, что это безопасный звонок, и ответила.

— Вы меня забыли, — сказала пожилая женщина.

— Здравствуйте. Нет, не забыла.

— В прошлый вторник вы тоже говорили, что не забыли. Фотографии я так и не получила.

Элина закрыла глаза. Они действительно договаривались: она отсканирует три снимка, один подготовит для будущего прощания, а два вернёт в цифровом виде внучке. Пакет лежал в верхнем ящике её рабочего стола. Она сделала всё, кроме последнего шага, отправки.

— Простите. Я отправлю сегодня.

— Сегодня вы опять не на работе?

— У меня...

— Я не спрашиваю, что у вас. У меня тоже много чего. Вы только скажите, когда.

Элина посмотрела на часы.

— До восьми.

— Записала.

Эльза Витальевна отключилась.

Эмиль развёл руками.

— Позвони Розе, пусть отправит.

— Они у меня в рабочей папке, я название файла не помню. И снимки надо отдать.

— Завтра отдашь.

— Я обещала.

Он сошёл с подоконника.

— Вот это у вас там и болезнь. Человек вам один раз позвонил, вы уже ему всё должны.

— Она не один раз звонила.

— Тем более.

Элина начала надевать ботинки.

— Я заеду на двадцать минут. Потом домой. Я выпалась.

— Ты два часа ворочалась.

— Эмиль.

Он перестал спорить. Достал со стола ключи, надел куртку и сказал, что сначала отвезёт заказ по дороге. Элина собиралась отказаться от сопровождения, но увидела, как тщательно он убирает с пола стеклянные обрезки перед уходом, и промолчала.

* * *

Они ехали вдоль трамвайной линии, которая зимой уходила в снег до самых головок рельсов, а летом зарастала жёсткой травой. В октябре трава лежала мокрыми жёлтыми прядами. На остановке у поликлиники торговали яблоками из багажника. Эмиль притормозил, пропуская женщину с клетчатой сумкой, и выругался на стоявшую посреди перехода машину.

Элина смотрела на привычный маршрут так внимательно, словно давно уехала и только теперь вернулась. Парикмахерская сменила вывеску. На углу открылся ещё один пункт выдачи.

Перед старым домом культуры выкопали траншею и поставили красно-белые ограждения, которые уже успели упасть.

— Кому везёшь? — спросила она, кивнув на раму, закреплённую за сиденьями.

— Детскому клубу. Разбили витрину в шкафу.

— Дети?

— Директор. Переставлял диван. Детей ругать проще.

Они остановились у дома с облупленной лепниной. Пока Эмиль относил раму, Элина осталась в машине. На ступеньках сидела девочка в танцевальном костюме и ела шаурму, завернув подол юбки себе под ноги. Мать стояла рядом и держала над ней зонт.

Через стекло машины не было слышно, о чём они говорят. Девочка что-то доказывала с набитым ртом, мать качала головой. Потом мать взяла у неё шаурму, откусила и вернула. Девочка возмутилась, обе засмеялись.

Элина отвела взгляд.

Эмиль вернулся без рамы, зато с новым заказом: ему показали ещё два треснувших стекла.

— Вот видишь, — сказал он. — Я тоже обещаю людям. Только потом деньги беру.

— Мне платят зарплату.

— За то, чтобы ты работала ночью и возвращалась вечером в свой выходной?

Она посмотрела на него.

— Ты ведь сейчас тоже отвёз заказ.

Эмиль усмехнулся и завёл двигатель.

* * *

В бюро пахло крахмалом и чужими духами.

В приёмной сидели две женщины, одна держала на коленях мужской пиджак в чехле. Роза Павловна показывала им лист с ценами, не приближая его к себе, чтобы обе могли читать. Увидев Элину, она нахмурилась, но ничего не сказала.

— Я за фотографиями, — шепнула Элина.

Хозяйка махнула в сторону кабинета.

За столом Элины сидел Ренат Байрамов.

Он сразу встал.

— Извини. Роза сказала, здесь можно посмотреть текст. Я к компьютеру не прикасался.

Перед ним лежали распечатанные листы, исписанные синими пометками. На одном полями шёл длинный вертикальный штрих: так он отмечал места, которые собирался убрать из речи.

Элина знала Рената пять лет. Он вёл гражданские прощания, иногда работал на юбилеях и городских вечерах, но про вторую часть своей профессии здесь почти не говорил. Никогда не называл себя тамадой. Роза Павловна, когда сердилась на его расценки, называла.

Сегодня на нём был серый свитер и тёмные брюки. Он выглядел моложе, чем у микрофона, где прямая спина и медленная речь прибавляли ему лет.

— Как ты? — спросил он.

Элина открыла ящик.

— Все уже знают?

— Что убили Эдуарда? Да. Про тебя Роза сказала только, что был какой-то странный звонок.

Она посмотрела на него, вспомнив просьбу Королёвой.

Ренат заметил перемену.

— Не рассказывай. Я не спрашиваю.

Он отступил от стола, освобождая ей место, и собрал свои бумаги.

— Ты ведь с Ланиным работал, — сказала Элина.

— Давно.

— В фонде.

Ренат кивнул.

— Давно, — повторил он. — Плохая история.

— Фонд?

— Его смерть.

Он посмотрел на дверь, за которой женщины выбирали время прощания.

— Я видел Эмму сегодня. Она пока даже не понимает, кому звонить. Ей нужно было просто, чтобы кто-то побыл рядом.

— Вы общаетесь?

— Иногда. Не так, чтобы каждую неделю.

Он убрал листы в тонкую папку, но уходить не торопился. Элина включила компьютер, нашла отсканированные фотографии Эльзы Витальевны и отправила их внучке. В письме написала короткое объяснение задержки, потом удалила его и оставила извинение.

Ренат тем временем остановился возле старого снимка на стене: сотрудники бюро у только что покрашенной двери, пять лет назад. Элина там смеялась, зажмурившись от солнца. Роза Павловна держала кисть, Тимур пытался спрятать за спиной банку с краской.

— Помнишь, как вывеску перевешивали? — спросил он.

— Ты приехал уже после.

— После того, как Тимур уронил букву. Да.

— И сказал, что без неё даже лучше.

— Там получилось «Тихий ерег». Почти философия.

Элина неожиданно улыбнулась. Ренат заметил и перестал шутить, словно счёл, что нужное уже сделано.

Из приёмной вошёл Эмиль. Он кивнул Ренату и спросил, долго ли ещё.

— Сейчас, — сказала Элина.

Брат увидел на столе распечатку с крупно набранным именем Виолы Даниловой, отвернулся и подошёл к окну.

Ренат положил ладонь на спинку стула.

— Я у вас много времени не отниму. Элина, если Дамир принесёт музыку, перешли мне, пожалуйста. Я хочу заранее послушать. Он написал название, а там несколько вариантов.

— Уже договорились.

— Хорошо. И пусть он не пишет речь, если не хочет. Мне Роза сказала, что родственники настаивают. Я могу сам прочитать пару строк от него, без объявления, что это его слова.

— Я спрошу.

— Только не сегодня. Сегодня с него хватит.

Он попрощался с Эмилем и вышел в приёмную.

Брат проводил его взглядом.

— Он всегда так говорит?

— Как?

— Будто сейчас по плечу похлопает.

— Это его работа.

— С нами?

Элина выключила монитор.

— Давай домой.

* * *

Они уже стояли в коридоре, когда зазвонил служебный телефон.

Роза Павловна ещё разговаривала с женщинами. Из кабинета дневной сотрудницы слышался шум воды: Лариса мыла вазу, которую нужно было вернуть в зал. Элина машинально потянулась к трубке.

— Я отвечу.

Эмиль остался у двери.

После предупреждения о записи она сказала привычную фразу. И только произнесла собственное имя, почувствовала, как неприятно напряглась спина.

— Вы записывали вчера, — сказал голос.

В нём снова был сухой треск. На этот раз голос показался ей чуть выше, но она сразу вспомнила вопрос Королёвой и не стала решать, что это тот же человек, по одному впечатлению.

— Кто говорит?

— Мне нужно изменить заказ.

Элина подняла руку, привлекая внимание брата. Он подошёл. Она показала ему на свой мобильный и тихо, прикрыв ладонью нижнюю часть трубки, сказала:

— Королёвой. Сейчас.

Он не стал спрашивать.

— Назовите, пожалуйста, фамилию, — произнесла Элина в трубку.

— Вы её знаете.

— У нас несколько обращений. Мне нужно понять, о каком речь.

— Ланин.

Эмиль уже звонил. Его лицо изменилось, когда он услышал фамилию. Он отошёл к двери и заговорил в мобильный сестры.

— Что именно вы хотите изменить? — спросила Элина.

— Ланин пока подождёт. На завтра будет другое имя.

В приёмной женщина, державшая чехол с пиджаком, начала плакать. Роза Павловна подвинула к ней салфетки. Этот жест Элина видела сквозь открытую дверь, и почему-то он мешал сосредоточиться сильнее, чем голос в ухе.

— Представьтесь.

— Элина Германовна Берг. Тридцать пять лет.

Она не сразу поняла, что произнесено её полное имя.

Первой возникла нелепая мысль: этот человек не мог представиться так же, как она. Потом дошло остальное.

— Что?

— Завтра. Пятнадцать ноль-ноль. Белые цветы. Лилии не нужны.

Элина упёрлась ладонью в стол.

— Вы сейчас угрожаете мне?

— На вход — вальс. Ваш отец любил вальсы.

За спиной Эмиль громко сказал кому-то в телефон: «Он ещё на линии».

Элина смотрела на свои пальцы, распластанные по столу. Один ноготь был сломан у самого края. Она заметила его ещё утром, но забыла подпилить.

— Вы знали моего отца?

— В речи надо сказать, что вы родились у реки. Людям это нравится.

— Где вы находитесь?

— Там, где успевают.

Она заставила себя сделать вдох. Воздух вошёл неглубоко, остановился где-то под ключицами.

— Послушайте. Если вам нужна помощь...

— Имя полностью записали?

Элина замолчала.

Голос тоже молчал. Несколько секунд она слышала только слабое шуршание, затем в глубине возник звук, похожий на два коротких удара. Дверь машины, крышка контейнера, что угодно. Она не знала.

— Записали? — повторил человек.

— Да.

— Тогда до утра.

Связь оборвалась.

Элина продолжала держать трубку. Эмиль подошёл, осторожно взял её за запястье и опустил руку.

— Они едут, — сказал он.

Она посмотрела на часы над дверью.

Семнадцать сорок восемь.

До названного времени оставалось меньше суток.

Глава 6. Комната без номера

В первую минуту после звонка Элина хотела спрятать от всех свой паспорт.

Мысль была такой странной, что она даже потянулась к сумке, прежде чем поняла: документ здесь ни при чём. Человек в трубке назвал её имя, отчество и возраст. Паспорт лежал в боковом кармане, как всегда. Убрав его глубже, она ничего бы не изменила.

Но рука уже держала молнию.

Роза Павловна вывела посетительниц в соседнюю комнату, сказала, что возникли непредвиденные обстоятельства, и попросила Ларису продолжить оформление. Лариса стояла с мокрой вазой в руках. По её рукаву стекала вода.

— Поставь, — сказала хозяйка.

Та не поняла.

Роза Павловна взяла у неё вазу, поставила на пол и повторила всё ещё раз.

Эмиль не отходил от сестры. Он сжал её плечо так сильно, что заболела ключица.

— Не надо, — сказала Элина.

Он отпустил, затем снова протянул руку и не знал, куда её деть.

— Сядь.

— Я стою.

— Я вижу. Сядь.

Она опустилась в кресло. Стационарный аппарат казался теперь слишком близким. Элина отодвинула его к монитору, едва не выдернув провод.

Роза Павловна присела рядом.

— Что он сказал?

Элина посмотрела на неё и не смогла повторить разговор. Ей хотелось, чтобы кто-то другой нажал кнопку и дал всем послушать. Пусть услышат, но ей не придётся произносить это самой.

— Там запись, — сказала она.

Хозяйка кивнула, не стала настаивать.

Из приёмной донёсся голос одной из женщин:

— Нам же завтра из морга забирать. Мы должны знать.

Лариса что-то ответила.

Элина попыталась встать. У них был согласован транспорт, Тимур мог подтвердить время, всё лежало в папке на краю стола. Нужно было только открыть и посмотреть.

Роза Павловна положила ладонь ей на колено.

— Сиди. Они разберутся.

* * *

Патрульные приехали первыми.

Один остался в приёмной, второй проверил служебный выход и двор. Он задавал простые вопросы: кто находится внутри, есть ли ещё двери, видела ли Элина кого-нибудь подозрительного. От последнего вопроса ей захотелось рассмеяться, но смех не вышел.

— Я утром яблоко нашла, — сказала она.

Полицейский посмотрел на неё.

— Какое яблоко?

— На ступеньке. Красное. Я подняла и положила на подоконник. Это глупость, наверное.

— Вы мне просто расскажите. Где именно лежало?

Он не усмехнулся, и Элина чуть успокоилась. Показала ступеньку, подоконник. Яблоко осталось там же, теперь с маленьким потемневшим пятном у плодоножки.

Полицейский спросил, кто ещё его трогал. Она назвала Розу Павловну.

Потом он вернулся в приёмную. Яблоко не стало уликой в её глазах, но перестало быть утренней нелепостью: теперь о нём существовала запись, и кто-то другой мог решить, имеет ли оно значение.

Эмиль спросил, нельзя ли сразу увезти сестру.

— Подождите следователя, — ответили ему. — Ехать к ней домой пока не нужно.

— А ко мне?

— Адрес назовите.

Брат продиктовал. Полицейский уточнил, кто знает, что Элина была у него днём. Оказалось, об этом знали Роза Павловна, Лариса, сам Эмиль и человек, которому он отменил встречу. Ещё он написал в рабочий чат, что задерживается из-за сестры, но адреса там не называл.

— Зачем ты писал? — спросила Элина.

— Мне нужно было объяснить, почему я не приеду.

— Можно было просто...

Она остановилась. Ещё час назад она сама говорила с Ренатом о музыке для прощания. Они обсуждали работу так, будто жизнь оставалась обычной, и нельзя было задним числом заставить всех молчать с момента вчерашнего звонка.

Эмиль убрал телефон в карман.

— Я больше ничего не напишу.

Он сказал это с такой обидой, что Элина коснулась его руки.

— Я не тебя обвиняю.

Брат отвернулся.

* * *

Королёва приехала с Вагаповым. Они вошли быстро, но без суеты, которую Элина уже успела представить себе, пока ждала. Следователь положила на стол папку, попросила всех, кто не слышал звонка непосредственно, выйти из кабинета и снова задала вопросы о порядке разговора.

— Он назвал меня полностью, — сказала Элина. — И отца.

— Дословно помните?

Она повторила. На словах «тридцать пять лет» голос стал чужим и тонким.

Королёва предложила воды.

— Не хочу.

— Хорошо. Продолжайте, как сможете.

Элина рассказала о музыке, о рождении у реки и двух коротких ударах в конце. Следователь попросила не подбирать объяснение звуку.

— Я и не знаю.

— Тогда так и запишем.

— Вы его найдёте по номеру?

Королёва посмотрела на дисплей.

— Номер и соединения проверяются. На этом работа не заканчивается.

— Он другой.

— Да, я вижу.

Элина почувствовала, что хочет услышать обещание: они уже знают, кто это, скоро всё прекратится, можно будет вернуться домой. Следователь ничего такого не сказала.

Она прослушала запись, затем несколько минут разговаривала с Вагаповым в коридоре. Когда вернулась, её вопросы изменились.

— Ключи от вашей квартиры у кого есть?

— У меня и у брата. Были у отца. После его смерти я забрала.

— Замки меняли?

— Нет.

— Вы живёте одна?

— Да.

— Близкий человек, который может остаться с вами, кроме брата?

Элина открыла рот и не нашла ответа.

У неё были знакомые. Женщина из соседнего подъезда, с которой они иногда пили кофе. Бывшая однокурсница в Самаре. Мужчина, с которым она виделась несколько месяцев и перестала встречаться, потому что он всё время говорил: «Ты опять на работе». Ни одного из них она не смогла назвать в качестве человека, которого следовало сейчас поставить рядом с ней перед чужой угрозой.

— Брат, — повторила она.

Королёва не задержалась на этом.

— Есть основания воспринимать угрозу серьёзно. Мы оформляем необходимые меры. Сейчас главное — не возвращаться по известному адресу и не сообщать посторонним, где вы будете. Дальше вам объяснят конкретный порядок и контакты.

— Я должна куда-то уехать?

— Мы предложим безопасное место. Это делается с вашего согласия. И обсудим, кто сможет вас сопровождать.

— Эмиль?

— Сначала поговорим с ним.

Элина посмотрела на дверь. За ней брат тихо ругался по телефону с заказчиком. Он говорил, что завтра не приедет, а когда приедет, пока не знает.

— Он не обязан, — сказала она.

— Конечно, не обязан.

Эта фраза почему-то испугала сильнее всех предыдущих.

* * *

Пока оформляли бумаги, стемнело.

Роза Павловна закрыла основной вход и погасила вывеску. В приёмной осталась гореть настольная лампа, та самая, которую Элина выбирала в магазине: не слишком яркую, чтобы людям не казалось, будто их вызывают к начальнику.

Теперь под ней лежали её собственные документы.

Элина несколько раз переспросила, можно ли забрать вещи из квартиры. Ей нужны были лекарства от мигрени, бельё, зарядка, очки для чтения. Королёва сказала, что это организуют, но самой Элине ехать туда сейчас нельзя.

Эмиль хотел ехать один. Его одного тоже не пустили: сначала следовало проверить квартиру и двор.

— Там кот? — спросил Вагапов.

— Нет, — ответила Элина.

— Другие животные?

— Нет.

— Кому-то нужен ваш ежедневный уход? Пожилой родственник, ребёнок?

— Нет.

Ответы выходили один за другим, одинаковые и пустые. Она вдруг ощутила, насколько просто переместить её из собственной жизни: взять паспорт, телефон, сумку, и никто не останется за дверью голодным.

Вагапов уточнил ещё несколько бытовых вещей и отошёл. Он не мог знать, что его вопросы сделали с ней; он проверял, не придётся ли ехать за кошкой или искать сиделку.

Роза Павловна принесла большой пакет из магазина домашнего текстиля.

— Здесь футболка, полотенце и тапочки. Новые. У меня в машине лежало, сестре везла.

— Не нужно.

— Элина, не начинай.

Она поставила пакет ей под ноги.

Тимур, вернувшийся после рейса, привёз бутерброды и два термоса. Он держался у входа, не лез с вопросами. Эмиль вышел к нему, они поговорили о машине, потом о том, где оставить рабочие инструменты. Элина слышала обрывки и была благодарна им за эту странную деловитость.

Лариса прислала сообщение: она утром выйдет сама, Дамира предупредила, всё перенесут без штрафов и доплат. Следом пришло: «Не отвечай. Просто увидь».

Элина заплакала.

Слёзы текли молча. Она вытирала их ладонью, злилась на мокрые ресницы и не могла остановиться. Роза Павловна села рядом и долго ничего не говорила.

— Он же мог не знать, что я отвечу, — сказала Элина наконец.

— Кто?

— Сегодня. Я вообще не должна была быть здесь.

Хозяйка медленно повернулась к ней.

Элина вытерла лицо салфеткой.

— Я заехала на двадцать минут. Если бы трубку взяли вы?

Роза Павловна посмотрела в сторону кабинета, где Королёва разговаривала по телефону.

— Это ей скажи.

* * *

Следователь выслушала и попросила восстановить последние полчаса перед звонком.

Элина назвала время приезда примерно, показала переписку с внучкой Эльзы Витальевны: письмо ушло в 17:31. Рассказала о Ренате за её столом, о разговоре, об Эмиле, который ждал у окна.

— Байрамов когда ушёл?

— До звонка. Минут за десять. Может, меньше.

— Что он спрашивал?

Она повторила всё, что помнила, включая фразу о Ланине и просьбу прислать музыку Дамира.

— Он сказал, что видел Эмму сегодня, — добавила она.

Королёва записала.

— А кто ещё мог видеть, что вы вернулись?

Элина оглядела приёмную. Окно выходило прямо на улицу. Рабочий стол был виден с остановки. Лариса приходила через главный вход, посетительницы сидели у стекла. Любой прохожий мог заметить свет и движение.

— Кто угодно.

— Возможно. Но не обязательно звонивший видел именно вас. Он мог намереваться передать угрозу через любого сотрудника. Пока сохраним обе возможности.

Элина кивнула. Ей хотелось, чтобы хотя бы одна догадка превратилась в ответ сразу, без этого мучительного «возможно».

Перед отъездом Королёва сказала:

— Сейчас вами будут заниматься сотрудники, которые отвечают за безопасность. По делу вы связываетесь со мной или с Русланом. Если вам покажется, что кто-то из знакомых знает больше, чем должен, сначала сообщите нам. Не проверяйте это встречей.

— Я не собираюсь никого ловить.

— Хорошо.

Следователь не улыбнулась. Она, видимо, слышала такую фразу и раньше.

* * *

Комната, в которую их привезли, не имела номера на двери.

Элина заметила это уже после того, как вошла: обычное белое полотно, круглая ручка, маленькая царапина возле замка. Никакой гостиничной таблички. Внутри стояли две кровати, стол, шкаф и телевизор, который включался отдельной кнопкой на нижнем краю. Пульт лежал без батареек.

Им объяснили, где что находится, какие правила необходимо соблюдать и кому звонить. Эмиль задавал вопросы про машину, работу и возможность съездить домой. Ему отвечали отдельно. Элина слушала, но часть слов проходила мимо: она всё ещё находилась в своём кабинете и смотрела на сломанный ноготь.

Когда они остались вдвоём, брат поставил пакет Розы Павловны на кровать.

— Ты какую хочешь?

— Всё равно.

Он занял ту, что ближе к двери. Элина почувствовала раздражение: даже выбор кровати стал маленьким спектаклем о том, как её защищают.

— Там свет из коридора, — сказала она.

— Я засну.

— Тебе завтра работать.

— Не завтра.

Эмиль снял куртку, повесил на спинку стула и долго не мог вытащить из рукава шарф. Потом сел, наклонился вперёд и закрыл лицо ладонями.

Элина подошла к окну. Шторы были плотными, между ними оставалась узкая полоска. Она не стала раздвигать их. Ей уже объяснили, чего сейчас лучше не делать, и она не хотела в первый же вечер спорить с людьми, которые пытались ей помочь.

— Ты можешь уехать, — сказала она.

Эмиль не поднял головы.

— Я знаю.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она села на свою кровать. Матрас тихо скрипнул.

— Ты не обязан из-за меня всё бросать.

Брат опустил руки.

— А ты можешь хоть один раз не объяснять мне, что я обязан?

Элина замолчала.

— Я сам решил остаться. Мне тридцать лет почти, — сказал он. — Ты всё ещё разговариваешь со мной так, будто мама умерла вчера и ты должна проверять, ел ли я суп.

— Я не проверяю.

— Проверяешь. Только другими словами.

Он встал, открыл пакет и вынул футболку. На ней был огромный серебряный кот с короной.

Они посмотрели на футболку, потом друг на друга.

— Это сестре Розы Павловны? — спросил Эмиль.

Элина кивнула.

— Уважаю.

Он положил футболку ей на колени и пошёл умываться.

Элина провела пальцем по жёстким блёсткам. Несколько остались на коже. Она стряхнула их, достала телефон и увидела сообщение от Эльзы Витальевны: «Получили. На первой я сама на себя не похожа. Оставим вторую».

Под сообщением была фотография молодой женщины у деревянных перил над рекой. Ветер раздувал ей волосы, она шурилась и держала за руку кого-то, оставшегося за краем кадра.

Элина написала: «Хорошо. Вторую».

Потом открыла календарь.

На завтра, в три часа, у неё не было ничего.

Она долго смотрела на пустой прямоугольник. Палец сам потянулся к кнопке добавления события, словно чужой голос требовал завершить работу, которую она начала за столом.

Элина заблокировала экран и положила телефон лицом вниз.

Глава 7. Чужой шум

В среду утром Сабина Керимова снимала с кларнета клапан, который до неё пытались приклеить.

Клей застыл жёлтой каплей возле винта. По телефону хозяйка инструмента сказала, что ничего не делала, только посмотрела, нельзя ли поправить самой. Сабина тоже иногда называла свои действия словом «посмотрела», когда не хотела рассказывать, насколько далеко успела зайти.

Телефон вибрировал на полке над столом. Она не брала его, пока не уложила снятую деталь в мелкую крышку с бортиком. Однажды пружина пропала в щели между половицами, и поиски стоили ей целого вечера. С тех пор чужая срочность должна была ждать, пока маленькие вещи окажутся на месте.

Звонила мать.

— Ты видела?

— Что?

— Про папу.

Сабина поставила локоть на край стола и закрыла глаза. В голосе матери было знакомое сжатие, возникавшее всякий раз, когда отец выступал перед людьми. В школе это были собрания, потом суд и обращения, потом встречи семей погибших. На всех этих встречах мать сперва сидела возле него. Позже пересела во второй ряд. Теперь жила у своей сестры в Сызрани, и расстояние между их стульями измерялось уже дорогой.

— Я видела его видео. Я просила не выкладывать.

— Не это. Там женщину хоронить заказали. И пишут, что он...

— Кто пишет?

Мать не знала. Ей прислала знакомая. Знакомой прислали из общей группы. В этой цепочке никто ни за что не отвечал, но все считали необходимым передать дальше.

Сабина попросила ссылку.

На записи голос произносил имя Элины Берг. Сабина знала её в лицо, хотя никогда с ней толком не разговаривала. В апреле Элина стояла возле гроба отца, поправляя узкую складку ткани у его плеча. Сабине тогда показалось странным, что дочь может делать это сама. Она сама на похоронах Лейлы не смогла даже застегнуть собственное пальто.

Теперь под записью спорили, кто станет следующим. Кто-то выложил фотографию Адама. На ней он смеялся, положив руку на чьё-то невидимое плечо. Сабина знала этот снимок: из него вырезали её.

Она написала матери: «Не читай комментарии». Потом прочла их сама.

Первые были похожи на новости. Дальше начались предположения. Ещё ниже кто-то требовал «проверить этого отца», а кто-то отвечал, что у него были причины. Сабина одинаково ненавидела обе стороны. Одна делала из её отца убийцу, другая заранее находила убийству оправдание. Ни одна не интересовалась, где он был в понедельник вечером.

Отец ответил на третьем вызове.

— Я занят.

— Где?

— Выхожу.

— Куда?

— В бюро. Поговорить надо.

Она отодвинула стул коленями.

— Ты вчера сказал, что позвонишь сначала сотруднику, который с тобой разговаривал.

— Позвонил.

— И?

— Сказал, что иду.

— Пап, не надо приходить туда и кричать.

— Я не кричу.

Он уже кричал. Впрочем, громкость мало что значила. Отец мог так же громко спрашивать, взяла ли она шарф, и так же тихо произнести слова, после которых месяцами не хотелось с ним разговаривать.

— Там женщина, которой угрожают, — сказала Сабина. — Она тебе ничего не сделала.

— Я ей и не собираюсь ничего делать. Я хочу знать, что вы все про меня думаете.

— Тогда спроси меня.

Он замолчал.

За стеной кто-то начал длинную гамму. Сабина снимала небольшой угол в мастерской знакомого настройщика; по утрам в соседнем кабинете занимался мальчик, которого привозили до школы. Гамма каждый раз ломалась на одной ноте. Сабина ждала, что отец спросит, что она думает, но он только сказал:

— Работай. Я сам разберусь.

Связь оборвалась.

Она положила телефон экраном вниз. Перед ней лежал клапан, разобранный на три части, и уходить означало оставить работу в таком состоянии, в каком ей самой было страшнее всего её получать.

* * *

В одиннадцать она должна была смотреть помещение.

Оно находилось в бывшей парикмахерской возле музыкальной школы: отдельная дверь со двора, вода, отопление, два окна. В объявлении были красивые фотографии, снятые широкоугольной камерой. В действительности в большом зале оставалась перегородка и пахло краской для волос. Сабина увидела это ещё в субботу через стекло, но всё равно хотела посмотреть. Ей впервые хватало денег на залог и два месяца аренды.

Она отложила эту сумму не за один год. Иногда снимала с неё на лекарства матери, потом возвращала. Иногда отец просил займы, обязательно произнося «на неделю», и Сабина отвечала, что у неё нет. Ей было стыдно, хотя она никогда не обещала оплатить всю оставшуюся жизнь семьи.

После смерти Лейлы появились расходы, которым нельзя было возражать. Дорога к следователю. Юрист. Ещё одна экспертиза в другом городе. Поездка матери на восстановление, которую сначала обещал оплатить фонд. Отец хранил чеки в обувной коробке. Коробка осталась от покупки Лейлы: яркие туфли ей оказались малы, и Лейла отдала их подруге, оставив упаковку «для чего-нибудь полезного».

Сабине хотелось однажды потратить деньги на комнату, в которой не будет этой коробки.

Она взяла телефон, чтобы отменить просмотр, и увидела новое сообщение от матери: «Может, ты поговоришь с ним нормально?»

Слово «нормально» означало, что прежние разговоры не засчитаны.

Сабина написала: «Я поговорила». Стёрла. Написала: «Я сейчас на работе». И это тоже не отправила.

Хозяйке помещения она сказала, что задержится на полчаса.

— У меня второй человек в двенадцать, — ответила та. — Если вы хотите, надо решать. Я не держу без залога.

— Я понимаю. Посмотрю и решу.

Сабина вернулась к кларнету. Размягчать старый клей пришлось дольше, чем она рассчитывала. Когда клапан наконец свободно двинулся, облегчение оказалось таким сильным, будто удалось исправить что-то существенное. Она несколько раз нажала подушечкой пальца, наблюдая, как деталь возвращается на место. Затем сняла короткое видео для хозяйки инструмента.

«Работает. Вечером можно забрать».

Хозяйка прислала три сердечка.

Сабина посмотрела на них и улыбнулась.

* * *

Возле бывшей парикмахерской её ждал мужчина с рулеткой. Он оказался мужем хозяйки и сразу объяснил, что перегородку ломать нельзя.

— Я не собираюсь ломать, — сказала Сабина.

— Все сначала не собираются. А потом начинается.

Он открыл дверь. Внутри было холодно. Возле окна стояла раковина с чашеобразным углублением для шеи; на стене оставался светлый прямоугольник от снятого зеркала.

Сабина медленно прошла до дальней стены. Здесь мог встать длинный стол. Возле раковины — полка для расходных материалов, у двери — два стула для клиентов. Инструменты пришлось бы принимать по записи: шум от школы днём, соседи вечером. Но сюда можно было входить своим ключом, не спрашивая, не занят ли стол, и оставлять разобранную работу до утра.

— Что делать будете? — спросил мужчина.

— Ремонтировать музыкальные инструменты.

— Это громко?

— Иногда проверять надо.

Он поморщился.

— А если саксофон принесут?

— Проверю саксофон.

Он посмотрел на неё с подозрением, словно она скрывала желание открыть ночной оркестр.

Телефон завибрировал. Сабина не стала брать сразу.

— Электричество отдельно? — спросила она.

Мужчина назвал сумму, затем добавил плату за уборку двора. В объявлении этого не было. Она записала обе цифры и попросила проект договора. Он сказал, что договор простой, можно хоть сейчас.

Звонил незнакомый номер. Сабина извинилась и вышла в коридор.

Сотрудник полиции уточнил её имя и спросил, когда она в последний раз видела отца. Она ответила, что вчера вечером. Утром разговаривала по телефону. Потом сама спросила, задержали ли его.

— С ним беседуют. Нам нужно уточнить поездку в понедельник.

Понедельник внезапно сделался очень далёким. Сабина вспомнила, что отец привёз ей пакет яблок от Артура и оставил его у двери, но это было во вторник. В понедельник он писал ей про дорогу. Кажется, просил не ждать звонка, потому что сел телефон. Нет, это был другой день. Она почувствовала, как память послушно предлагает нужные подробности, и перестала отвечать.

— Я сейчас посмотрю переписку. Не хочу перепутать.

— Посмотрите. Сообщения не удаляйте.

Сабина вернулась в комнату, попросила у мужчины минуту и открыла разговор с отцом. В понедельник в семнадцать десять он прислал фотографию разобранной передней части автомобиля. Подпись: «Артур сказал пять минут. Час сидим». Позже было голосовое, в котором он просил её узнать, до скольких работает аптека возле дома матери. Она переслала ему часы работы, а сама тогда подумала, что отец мог бы и набрать в поиске.

Ночью она спала и сообщений от него не получала.

Она передала сотруднику то, что видела на экране, не добавляя времени возвращения. Он попросил сохранить исходную переписку и сказал, что свяжется ещё.

— Фотография же доказывает, что он был там? — спросила она.

— Она помогает проверить. Нужно установить и место, и время, и дальнейшую дорогу.

Ей хотелось услышать более простую фразу. Но та, которую он сказал, оставляла возможность сделать хоть что-то.

Сабина набрала Артура.

Он ответил раздражённо: ему уже звонили, он всё рассказал, конечно, помнит. Почему она думает, что он бросит её отца? Она не думала. Она попросила не удалять ничего из телефона и вспомнить, где они заправлялись.

— Я что, дурак? — спросил он.

— Нет. Я боюсь.

Раздражение исчезло не сразу. Артур несколько раз вдохнул в трубку.

— Мы вместе были. До возвращения. Я им сказал.

— Спасибо.

— Сабина, ты его не слушай, когда он заводится. Он у нас такой.

Она посмотрела на раковину, предназначенную для чужой головы.

— Я знаю, какой он.

* * *

Когда Сабина вернулась в большой зал, там уже стояла другая женщина. Она держала маленькую собаку, одетую в попону, и расспрашивала мужчину о возможности поставить кушетку.

— Вы закончили? — спросил он Сабину.

— Мне нужен договор и день подумать.

— Я же говорил, что держать не буду.

— Я не прошу держать. Пришлите договор.

Он протянул ей лист, сложенный пополам. Сабина убрала его в сумку и вышла. За спиной женщина произнесла: «Здесь только перекрасить», и мужчина, только что запрещавший трогать перегородку, бодро ответил, что об этом можно договориться.

Сабина дошла до остановки пешком, хотя автобус уже подошёл. Ей хотелось позвонить отцу и сказать, что из-за него она опять упустила что-то своё. Это было бы неправдой. Помещение стоило дороже, чем она рассчитывала, а холод от пола чувствовался даже через ботинки. Но обвинение просилось на язык именно потому, что было удобным.

Она позвонила матери.

— С папой разговаривают. Проверяют дорогу. Артур подтвердил, что они были вместе.

Мать заплакала. Сабина стояла под мокрым рекламным щитом и слушала. На плакате обещали новые квартиры с видом на реку. В углу крупно было написано «СЕМЬЯ», и под этим словом улыбающийся отец держал ребёнка на плечах.

— Он ведь ничего... — начала мать.

— Я не думаю, что он кого-то убил.

— Почему ты так говоришь?

— Как?

— «Не думаю». Ты же знаешь своего отца.

Сабина закрыла глаза.

— Я знаю, что в понедельник он был с Артуром. Остальное проверяют. Мам, мне надо вернуться к работе.

— Ты злишься на нас.

— Сейчас да.

Мать перестала плакать. Сабина уже ждала обиды, но услышала другое:

— Я тоже.

Они помолчали. По мокрому стеклу остановки стекала вода. Сабина провела пальцем по внутренней сухой стороне, повторяя путь одной из капель.

— Ты сегодня ела? — спросила мать.

— Ещё нет.

— Поешь.

На этот раз Сабина не почувствовала, что ей снова выдали работу.

* * *

В мастерскую она вернулась с пирожком в бумажном пакете. Мальчик давно ушёл на уроки. Из соседней комнаты доносился пылесос.

Кларнет лежал так, как она его оставила. Сабина собрала инструмент, проверила ход клапанов и упаковала в футляр. На крышку наклеила маленькую записку: «Не используйте клей. Позвоните мне». Прочла и сняла. Хозяйка и так поняла; лишняя воспитательная фраза не сделает её осторожнее, только заставит в следующий раз скрыть поломку.

Отец позвонил после часа.

— Всё нормально.

Сабина села.

— Что значит «нормально»?

— Разговаривают. Проверяют. Я им всё дал.

— Ты был в бюро?

— Был.

— Кричал?

Он помолчал.

— Я сказал, что не звонил.

— Это можно сказать тихо.

— Когда на тебя смотрят, как на...

— Пап.

Он снова замолчал. Сабина слышала улицу, поворотник какой-то машины, кашель рядом с телефоном.

— Я не хотел её пугать, — сказал он.

Она не стала отвечать, что этого мало. Отец наконец говорил о женщине, а не о том, как его увидели.

— Ты Артуру позвонила? — спросил он.

— Да.

— Зачем? Он и так всё сказал.

— Потому что я твоя дочь.

Это прозвучало резче, чем она собиралась. Отец вздохнул.

— Я яблоки тебе хорошие привёз?

— Хорошие.

— Там одно мягкое было, я выкинул.

— Пап, я сама могу выкинуть мягкое яблоко.

На другом конце вдруг коротко засмеялись. Смех был не к месту, и оттого Сабина едва не заплакала.

— Знаю, — сказал он.

Она вспомнила договор в сумке.

— Я хочу снять мастерскую. Отдельную. Сегодня смотрела.

— Где?

Она назвала улицу.

— Там сыро, — немедленно сказал отец. — Подвал затапливает. Я тебя отвезу посмотреть другое, возле бывшей...

— Я сама посмотрю.

— Я могу помочь.

— Можешь. Когда попрошу.

Он не ответил сразу. Сабина ждала, что он обидится, но отец только уточнил, будет ли она вечером дома. Она сказала, что до восьми работает и потом хочет побыть одна.

— Хорошо. Позвоню завтра.

— Позвони сегодня. Только не приезжай без звонка.

После разговора она открыла переписку с хозяйкой бывшей парикмахерской и написала, что помещение ей не подходит. Потом сделала фотографию своего нынешнего стола: лампа, футляр, три коробочки с мелкими деталями, недоеденный пирожок. Снимок не предназначался никому. Ей хотелось запомнить, с чего она однажды уедет.

На полке мигнул телефон. Пришёл новый комментарий под отцовским видео.

Сабина убрала звук и достала следующий инструмент.

Глава 8. Оставшиеся места

Элина проснулась от собственного голоса.

Эмиль сидел за столом спиной к ней. На экране его телефона двигалась полоска воспроизведения. Из динамика прозвучало:

«Представьтесь».

Потом голос, который она узнала сразу:

«Элина Германовна Берг. Тридцать пять лет».

Она села так резко, что закружилась голова.

— Выключи.

Брат нажал на экран.

— Откуда это у тебя?

Он не ответил.

— Эмиль.

— В интернете.

Элина смотрела на него. Под футболкой с серебряным котом кожа стала холодной и липкой.

— Кто выложил?

— Не знаю. В городской группе уже перепостили. Мне прислали.

Он протянул ей телефон, но она не взяла.

— Там всё?

— Кусок. Про тебя. И про завтра.

Элина нашла свой мобильный. На экране было семнадцать уведомлений: знакомые, клиенты, люди, с которыми она не разговаривала несколько лет. Она не открыла ни одного и позвонила по номеру, который им оставили накануне.

Пока она говорила, Эмиль стоял у стола и смотрел в пол.

— Я не пересылал, — сказал он после.

— Я знаю.

— Только включил. Мне Вадик прислал, написал: «Это не твоя сестра?» Я хотел понять.

— Я знаю.

Он сел на кровать, всё ещё держа телефон.

За окном работала какая-то машина, равномерно гудела и время от времени взвизгивала. Элина не могла определить, далеко она или совсем рядом. Ей вдруг стало важно, чтобы Эмиль больше не слушал запись. Она подошла и положила ладонь поверх его экрана.

— Не включай при мне.

Он кивнул.

* * *

Через полчаса Королёва позвонила сама.

Она уже знала о публикации. Спросила, кто прислал ссылку, когда Элина её увидела, сохранял ли кто-нибудь файл. Элина передала телефон брату. Тот отвечал коротко, почти сердито.

Когда вернул, следователь сказала:

— В бюро сейчас тоже выясняют, кто имел доступ к записям. Но не делайте вывод, что файл ушёл от вас. Звонивший мог записать разговор со своей стороны.

Элина закрыла глаза.

Она уже успела представить Ларису, которая пересылает голосовую подруге, Розу Павловну, которая показывает знакомому, Тимура, который хочет предостеречь жену. Каждому из них она мысленно задала один и тот же вопрос: зачем?

Теперь рядом с этими людьми возник сам неизвестный, сидящий у телефона и выбирающий, какую часть разговора оставить.

— Он хочет, чтобы все знали, — сказала она.

— Возможно. Ссылку нам передали. С вами свяжется сотрудник, обсудите дальнейшие действия. Пока никому не сообщайте, где вы находитесь. Включая знакомых, которым доверяете: они могут передать адрес дальше без злого умысла.

— Я поняла.

— Есть ещё одна вещь. Вам могут писать журналисты. Сразу отвечать им не нужно. Объяснять отказ тоже. Если решите говорить, сначала сообщите нам, чтобы не раскрыть сведения, которые могут повредить вашей безопасности или расследованию.

Элина посмотрела на экран. Среди уведомлений уже было: «Здравствуйте, меня зовут Луиза, я представляю портал “Реченский день”».

— Уже написали.

— Неудивительно.

Королёва говорила спокойно. Элина хотела спросить, как можно оставаться спокойной, когда её имя произносят в чужих кухнях и автобусах, но поняла, что следовательно не обязана переживать это так же, как она.

— Розу Павловну не обвиняйте, пожалуйста, — сказала Элина.

— Мы проверяем источник. Это не означает обвинение.

После разговора Элина открыла только сообщение Ларисы. Там было: «Не наша запись. Я ничего не отправляла. Роза тоже. Приехали разбираться. Держись».

Элина написала: «Я знаю».

Это было не совсем правдой. Она не знала, но больше не хотела, чтобы первая мысль о своих людях стала для них наказанием.

* * *

Завтрак принесли в одинаковых пластиковых контейнерах.

Эмиль открыл свой, посмотрел на кашу и спросил, есть ли у них сахар. Элина вдруг разозлилась.

— Ты можешь один раз съесть как есть?

Он поднял глаза.

— Что?

— Ничего.

— Я спросил про сахар.

— Я слышала.

Брат закрыл контейнер.

Элина встала, подошла к раковине и налила воды. Стакан дрожал в руке. Она сделала глоток, поставила его слишком резко, и Эмиль вздрогнул.

— Прости, — сказала она.

Он молчал.

— Меня сейчас всё бесит.

— Я заметил.

Она снова села. Некоторое время они ели молча. Каша была почти холодной, но Элина доела её всю, потому что не хотела ещё и голода, ещё одного телесного требования, с которым нужно что-то делать.

После завтрака брат получил разрешение съездить за необходимыми вещами в согласованном порядке. Он собирался вернуться, но Элина услышала в этом отъезде возможность, которую ей самой пока не давали: выйти в обычный город, купить кофе, постоять у машины, ругнуться на светофор.

— Я быстро, — сказал он.

— Не торопись.

— Ты сейчас нормально это говоришь или...

— Нормально. Забери свои инструменты. Позвони заказчикам.

Он постоял у двери, потом вернулся и обнял её. Неловко, одним плечом, как обнимал на вокзале в те годы, когда уезжал учиться.

Элина положила ладонь ему на спину. Под курткой чувствовалась пряжка ремня сумки, твёрдая и холодная.

Когда брат ушёл, комната увеличилась.

Элина прошла от кровати до окна и обратно. Восемь шагов. Если обходить стул — десять. Она поймала себя на счёте, остановилась и включила телевизор.

Показывали передачу о ремонте кухни.

Она выключила звук, оставив изображение.

* * *

Роза Павловна позвонила в десять.

— Ты ела?

— Да.

— Хорошо. Я не буду спрашивать, как ты.

Элина села на стул.

— Что там?

— Люди. Цветы. Касса зависла. Всё как обычно, только у дверей ещё два любопытных с телефонами. Тимур их отогнал.

— Не надо ему с ними ругаться.

— Он не ругался. Попросил помочь разгрузить венки. Они сразу вспомнили, что спешат.

Элина улыбнулась.

— Дамир приходил?

— Передал музыку, я Ренату отправила. Другие туфли обещал привезти. Сказал, что сам говорить не хочет. Пока не трогаем.

— Хорошо.

Хозяйка замолчала. Элина услышала, как она перелистывает бумаги.

— Что ещё?

— Здесь Керимов был.

Фамилия ничего ей не сказала.

— Кто?

— Адам Керимов. У него дочь в павильоне погибла. Он твоего отца знал.

Элина выпрямилась.

— Что хотел?

— Спросил, где ты. Я сказала, что тебя нет. Потом стал говорить про Ланина. Я вызвала сотрудников, они с ним разговаривали.

— Угрожал?

— Не мне. Просто стоял и повторял, что теперь все вдруг испугались, а раньше слушать не хотели. Я не стала спорить.

Элина вспомнила фотографию в мастерской и попыталась поместить в неё незнакомую фамилию. Мужчина справа? Нет, тот был Ренат. Или Керимов стоял с другой стороны, наполовину закрытый женщиной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.